

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2313-8912

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

R E S E A R C H R E S U L T

Том 3 | № 4
Volume 3 | 2017

ВОПРОСЫ
ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ
И ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ

THEORETICAL
AND APPLIED
LINGUISTICS

Сайт журнала:
rllinguistics.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Том 3, № 4. 2017

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2313-8912

Volume 3, № 4. 2017

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2313-8912

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Дехнич О.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: **Деревянко Ю.С.**, г. Белгород, Россия

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: **Ляшенко И.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Алефиренко Н.Ф., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Аматов А.М., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Багана Ж., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Беседина Н.А., доктор филологических наук, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Вальтер Г., доктор филологических наук, профессор, университет им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальда, Философский факультет, Институт славистики, Германия

Вишнякова О.Д., доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Воркачев С.Г., доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет», г. Краснодар, Россия

Дьяченко Т. Д., кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Златев Дж., доктор философии, профессор, Лундский университет, г. Лунд, Швеция

Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, Россия

Клепикова Т.А., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский федеральный государственный бюджетный университет экономики и финансов, г. Санкт-Петербург, Россия

Магировская О.В., доктор филологических наук, профессор, Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия

Огнева Е. А., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Панасенко Н.И., доктор филологических наук, профессор, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, г. Трнава, Словакия

Киевский национальный лингвистический университет, г. Киев, Украина

Порхомовский В.Я., доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Риё Ж., доктор филологических наук, профессор, университет Ниццы-Софии Антиполис, г. Ницца, Франция

Соколова Я., кандидат филологических наук, профессор, Университет Константина Философа, г. Нитра, Словакия

Хлебда В., доктор филологических наук, профессор, Опольский университет, г. Ополье, Польша

Шарифиан Ф., доктор филологических наук, профессор, Университет Монаша, г. Мельбурн, Австралия

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: **Olga V. Dekhnich**, Ph.D. in Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: **Yulia S. Derevyanko**, Belgorod, Russia

ENGLISH TEXT EDITOR: **Igor V. Lyashenko**, Ph.D. in Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EDITORIAL BOARD:

Alexandr M. Amатов, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Baghana Jerome, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Elena A. Oгнева, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Farzad Sharifian, Doctor of Philology, Professor, Monash University, Melbourne, Australia

Harry Walter, Doctor of Philology, Professor, University of Greifswald, Greifswald, Germany

Jana Sokolova, Ph.D. in Philology, Professor, Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovak Republic

Jordan Zlatev, Doctor of Philosophy, Professor of General Linguistics, Lund University, Lund, Sweden

Natlia A. Besedina, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia, Belgorod, Russia

Nataliya I. Panasenko, Doctor of Philology, Professor, University of St. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovak Republic

Nikolai F. Alefirenko, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Philology, Professor, School of Philology and Language communication of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Olga D. Vishnyakova, Doctor of Philology, Professor, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Rieu Josiane, Doctor of Philology, Professor, The Nice Sophia Antipolis University, Nice, France

Sergey G. Vorkachev, Doctor of Philology, Professor, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Tatiana A. Klepikova, Doctor of Philology, professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia

Tatiana D. Dyachenko, Ph.D. in Philology Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

Victor Ya. Porkhomovsky, Doctor of Philology, professor, Linguistics Institute Moscow, Moscow, Russia

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Volgograd State National Research University", Volgograd, Russia

Wojciech Chlebda, Doctor of Philology, Professor, University of Opole, Opole, Poland

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Авдеева М.Д.</i> Проблема происхождения и развития глаголов лексико-семантической группы «свечение»	3
<i>Бондаренко Е.В., Радович М.А.</i> Особенности словообразования в австрийском варианте немецкого языка на примере лексемы «RIBISEL»	10
<i>Седых А.П., Бузинова Л.М.</i> К вопросу о письменном академическом дискурсе французских преподавателей	17

РАЗДЕЛ II.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Юзефович Н.Г., Ефремова Г.А.</i> Репрезентация элементов китайской лингвокультуры в мемуарах Рэйчел Девоскин <i>Foreign Babes in Beijing: behind the Scenes of a New China</i>	26
---	----

РАЗДЕЛ III.

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

<i>Ahmed Alduais.</i> Architecture of Information Structure: Implications from the T-Model on the Realisation Aspects of Topic and Focus Using Examples from Modern Standard Arabic, English and Turkish Languages	34
--	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

РАЗДЕЛ IV. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Dr. Sana' Mahmoud Jarrar.</i> Elif Shafak's <i>Forty Rules of Love</i> Presents the Solution to Combat Terrorism	43
<i>Mahdieh Boostani.</i> The Manifestation of Sufi Poetry in Persian Literature	49

CONTENTS

LINGUISTICS

SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

<i>Maria D. Avdeeva.</i> The Problem of the Origin and Development of Verbs of the Lexico-semantic Group «Giving Light»	3
<i>Arkady P. Sedykh, Lyudmila M. Buzinova.</i> About the Written Academic Discourse of French Teachers	10
<i>Arkady P. Sedykh, Lyudmila M. Buzinova.</i> About the Written Academic Discourse of French Teachers	17

SECTION II.

COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>Natalia G. Iuzefovich, Galina A. Efremova.</i> Chinese Cultural Phenomena in Rachel Dewoskin's Memoirs <i>Foreign Babes in Beijing: behind the Scenes of a New China</i>	26
---	----

SECTION III.

APPLIED LINGUISTICS

<i>Ahmed Alduais.</i> Architecture of Information Structure: Implications from the T-Model on the Realisation Aspects of Topic and Focus Using Examples from Modern Standard Arabic, English and Turkish Languages	34
--	----

THEORY AND HISTORY OF LITERATURE

SECTION IV. LITERATURE OF PEOPLES AND NATIONS OF THE WORLD

<i>Dr. Sana' Mahmoud Jarrar.</i> Elif Shafak's <i>Forty Rules of Love</i> Presents the Solution to Combat Terrorism	43
<i>Mahdieh Boostani.</i> The Manifestation of Sufi Poetry in Persian Literature	49

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81-139

DOI: 10.18413/2313-8912-2017-3-4-3-9

Авдеева М. Д.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГЛАГОЛОВ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «СВЕЧЕНИЕ»

МБОУ Голицынская средняя общеобразовательная школа №2
Московская область, Одинцовский район,
г. Голицыно, Молодёжный проезд 3
teacher64@list.ru

Аннотация

В статье представлен краткий обзор подходов к исследованию глагола. Основное внимание уделяется этимологическому анализу. На примере исследования происхождения и развития глаголов лексико-семантической группы «СВЕЧЕНИЕ» показана специфика представления в языке физического явления – света. Исследование проведено на материале русского и английского языков. Анализ показал, что в основе развития семантики глаголов находились зрительные впечатления и особенности зрительного восприятия. Исторически в семантике глаголов зафиксировано, прежде всего, значение постоянного излучения. Этимологический анализ позволил также выявить основные семантические характеристики света, которые свидетельствуют об антропоцентрической природе значения света. Общей чертой для двух языков является выявление аналогичных процессов в трансформации лексических значений, формировании понятий о многократности проявления светового признака, связи с цветовым восприятием и т.д. Также обнаружена связь рассматриваемых слов с сакральной сферой бытия человека, с божественным началом. Различия выявлены на уровне происхождения слов и хронологической фиксации тех или иных компонентов значения.

Ключевые слова: глагол; лексико-семантическая группа; этимологический анализ; семантика; свет.

Maria D. Avdeeva

THE PROBLEM OF THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF
VERBS OF THE LEXICO-SEMANTIC GROUP «GIVING LIGHT»

Golitsyno Secondary School № 2
3 Molodegny Rd., Golitsyno, Odintsovo District, Moscow region,
teacher64@list.ru

Abstract. The article provides a brief overview of approaches to the study of the verb. The main emphasis is placed on the etymological analysis. The specific view of light, a physical phenomenon in the language, is shown through studies of the origin and development of verbs of the lexical-semantic group “GIVING LIGHT”. The study was

conducted on the material of the Russian and English languages. The analysis showed that the development of the semantics of the verbs was based on visual impressions and peculiarities of visual perception. Historically, the meaning of constant radiation is fixed in the semantics of the verbs. The etymological analysis also revealed the main semantic characteristics of light, which indicate the anthropocentric nature of the meaning of light. A common feature for two languages is the identification of similar processes in the transformation of lexical meanings, the formation of concepts about the multiple manifestation of a light attribute, the connection with color perception, and so on. Also, the connection of the words in question with the sacred sphere of human existence, with the divine beginning, is found. Some differences are revealed at the level of origin of words and the chronological fixation of certain components of meaning.

Key words: verb; lexico-semantic group; etymological analysis; semantics; light.

В грамматике глаголом принято называть «часть речи, обозначающую действие или состояние, выражающую это значение в формах времени, лица, числа (в наст. вр.), рода (в прош. вр.) и образующую формы причастия и деепричастия» [12]. Согласно академическому определению, глаголом является часть речи, обозначающая процесс, то есть представляющая признак как действие, состояние или становление [2]. Данные определения делают акцент на способности глагола обозначать действие, но не указывают на важные особенности глагола: глагол является центром предложения. Он задействован на всех знаковых уровнях языка кроме фонетического, у глагола выделяется наибольшее число грамматических (морфологических и синтаксических категорий). Именно через глагол реализуется предикативная функция предложения – В.В. Виноградов отмечал, что «в области глагола протекают напряженные процессы конструктивного объединения частей речи» [1, с. 187].

Такие особенности глагола привели к тому, что глагол выделяется как часть речи и изучается с V–III в. до н.э. Многие выдающиеся ученые – М.В. Ломоносов, А.Х. Востоков, В. Гумбольдт, Х. Штейнталь – утверждали главенство глаголов в системе частей речи. На протяжении XIX–XX вв. развивались формально-грамматический и логико-синтаксический подходы к описанию

частей речи, в том числе, и глагола. Этот вопрос освещался во многих классических теоретических работах Ф.Ф. Фортунатова, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, В.В. Виноградова и др. Начало XX в. стало периодом развития структуралистского подхода в языкознании. В 70-80-х гг. XX в. языковые единицы рассматривались с точки зрения внутрисистемных связей. В 70-90 гг. XX в. был создан ряд классификаций глаголов по семантическим признакам на основе синтаксических связей. Исследование глаголов было активным и в области лингвистической семантики, где центральным вопросом стала проблема отображения и преобразования внеязыковой действительности в значении слова [5, с. 50]. В фокусе внимания оказались, в первую очередь, слова, связанные с физическим восприятием явлений реального мира. Среди которых свет занимает одно из первых мест, потому что основной поток информации о мире доступен человеку именно через зрительный канал.

Попытки проникнуть в суть представления языковыми средствами неязыковых явлений привели к появлению работ, где рассмотрена специфика представления света в языке. Это закономерный интерес, потому что по данным лексикографических источников, современный русский язык располагает 293 глагольными лексемами, прямо указывающими на наличие или отсутствие светового признака. Преобладают глаголы-светообозначения (223 лексем). Это

только тот словарный состав, который системно используется для обозначения света. Имеются в виду глаголы типа *светить*, *сиять*, *блестеть*, *блистать*, *мерцать*, *светать*, *рассветать*, *сверкать*, *бледнеть*, *лучиться* *искриться(ся)*, *звездить(ся)*, *озарять(ся)*, *светлеть*, *яснеть*, *обутреть*, *воссиять*, *брежжить(ся)*, *темнеть(ся)*, *мрачить(ся)*, *тускнеть*, *меркнуть*, *вечереть*, *смеркаться* и др. Специфика русского языка такова, что многие другие глаголы в своих переносных значениях способны указывать на наличие или отсутствие светового признака. Так, часто в качестве глаголов-светообозначений выступают, например, глаголы *лечь(ся)*, *облечь(ся)*, *сочиться*, *брызгать(ся)* [10, с. 149].

За последнее столетие в рамках семантико-этимологического, структурно-семантического, семантико-когнитивного подходов в фокусе внимания оказывались разные проблемы, связанные, в первую очередь, с историей развития и семантикой глаголов. Например, это такие вопросы, как происхождение глаголов, обозначающих свет; непосредственно семантическая структура «световых» глаголов, формирование переносных значений и др. Особенности лексических единиц со значением света, в том числе – глаголов, посвящен ряд работ О. Н. Селиверстовой [11, с. 100], В. Мажюлиса [6, с. 127], О. Н. Заикиной [3], О.В. Царегородцевой [19], Ж. Ю. Полежаевой [9, с. 148] и других. Обратимся к более подробному рассмотрению указанных вопросов.

Наиболее эффективными методами для этимологического анализа слова являются изучение лексики в семантическом поле и рассмотрение слова в этимологическом гнезде. Этимологический анализ дает возможность проследить историю формирования семантики глаголов-светообозначений. На материале русского языка установлено, что все близкие к «свету» понятия в словарях описываются рефлексом основы *svět- [19].

Само слово *свѣтъ* зафиксировано в XI в. в значении ‘противоположность тьме, свет’ [14]. Анализ показал, что глагол *светить* не употребляется с существительными, которые обозначают не излучающие свет предметы [4; 15, с. 495]. Это отличает его от глаголов *блестеть*, *сиять*, *сверкать*. У глагола *светить*, *светиться* наряду с дефинициями ‘излучать свет’, ‘излучать ровный, несильный свет’ этимологически зафиксировано определение ‘блестеть, отражая свет, лучи’ [19, с. 57]. Согласно данным этого же исследователя, глагол *свѣтити* употребляется с XI в. в значении ‘светить, освещать, делая мир видимым’, а в значении ‘сверкать, сиять отраженным светом’ с XVII в.: ...блески свѣтятъ. ДАИ X, 332 1683-1693 гг. [19, с. 57]. Таким образом, диахронический подход позволяет заключить, что семантика, связанная с отражением света и блеском, появилась несколькими столетиями позже основного значения. Также исторически в семантике глаголов зафиксировано, прежде всего, значение постоянного излучения. Такие компоненты, как ‘сила светового излучения’ и ‘прерывность светового излучения’ формируются позже. Это свидетельствует о преобладающей статичности в восприятии мира рассматриваемой эпохи.

Кроме того, было выделено несколько направлений, актуальных для семантического развития данной группы слов. Это связь значений света и зрения; появление переносных значений по отношению к значениям «ясный, логичный» и «возвышенный, благородный». В частности, И. И. Срезневский отмечал, что переносные значения появились из области семантики, обозначенной как «свет духовный», «божественное начало» [13, с. 295-297]. В древнерусском языке глагол *сиять* также встречается в контекстах «божественный, относящийся к Богу» в XI в. [14].

В результате анализа материала глаголы-светообозначения в русском языке были структурированы по основанию «с основным значением света» / «с неосновным значением

света». К первой группе были отнесены лексемы: *светить(ся)*, *лучиться*, *сиять*, *сверкать*, *мерцать*, *искриться*, *брезжить*, *блестеть* [17]. В этой группе все глагольные лексемы являются светообозначением с исконной семантикой света. В другой группе светолексем с неосновным значением света находятся глаголы: *поыхать*, *пылать*, *вспыхивать*, *гореть*, *зажечься*, *мигать*, *моргать*, *мелькать*, *переливаться*, *теплиться*, *серебрить(ся)*, *золотить(ся)*, *фосфориться*. Из второй группы глагольных светолексем с исконным значением света выделяются: *мигать*, *моргать*, *мелькать*, *серебрить(ся)*, *золотить(ся)*, *фосфориться*, с неисконным: *поыхать*, *пылать*, *гореть*, *вспыхивать*, *зажечься*, *переливаться*, *теплиться*. Таким образом, большинство русских светообозначений имеет исконную световую семантику. Из комплекса светолексем только у светообозначений *золотиться*, *серебриться*, *искриться*, *фосфориться*, *пылать*, *зажечься*, *переливаться* световые значения фиксируются с XVIII–XIX вв. Глагол *лучиться* появляется в словарях в XVIII в., у глагола *теплиться* световая семантика фиксируется с XX в. [49, С. 49-50]. Данные результаты показывают, что в основе развития семантики глаголов находились зрительные впечатления и особенности зрительного восприятия. В частности, это одновременное восприятие глазом света и цвета.

Этимологический анализ позволил также выявить основные семантические характеристики света, среди которых важную роль играет его направленность. Именно направленность влияет на функционирование глагола *светить*: *(куда?) в комнату, на дорогу* [19]. Данный факт свидетельствует об антропоцентрической природе значения слова. Таким образом, уже в русле этимологических исследований были заложены предпосылки когнитивного подхода к изучению языка и частей речи.

Кроме того, характерной чертой семантики производных слов от *světъ остается связь со значениями, соотносимыми

с положительными характеристиками, эмоциями человека, важным в семантическом наполнении является связь рассматриваемых слов с сакральной сферой бытия человека, с божественным началом [19, с. 59].

Диахроническое исследование материала показало также, что только значение неровного света было исторически связано со значением быстрого движения. Глаголы *мерцать*, *моргать*, *мигать*, *мелькать* являются светообозначениями, которые несут семантику переменчивого света. Среди них выделяется только один глагол с основным световым значением – *мерцать*. У остальных светолексем в качестве основных закрепились значения, связанные с быстрым движением век и быстрым движением – появлением на короткое время. Генетически эти светообозначения восходят к двум синонимичным основам *mer- и *meigh-/*meik-, которые обозначали неровный, переменчивый свет. У производных этих основ в славянских языках наблюдаются параллели в развитии семантики. Во-первых, это «светить неровным светом» – *мелькать*, *моргать*, *мигать*, то есть переменно светиться/темнеть. По аналогии: «двигать веками, мигать». Во-вторых, это «светить неровным светом» – *мелькать*, *моргать*, *мигать* (также переменно светиться/темнеть) – «быстро двигаться» [19, с. 53].

В целом, время образования большинства русских обозначений света складывается в индоевропейский период, и уже в ту эпоху светообозначения представляли собой достаточно развитую систему.

Традиционно, глаголы данной группы изучались на материале разных языков. Глаголы-светообозначения английского языка также становились объектом историко-лингвистических исследований. Так в работе Н.Е. Стройковой [16] глаголы-светообозначения в английском языке проанализированы в диахроническом аспекте. Исследователь акцентирует внимание на смысловых изменениях в значениях данных глаголов в процессе их исторического развития и приходит к выводу о том, что семантическое

пространство данной группы глаголов характеризуется диффузностью и многочисленностью значений.

В частности, глагол *light* (староанглийская форма *lihtan*) изначально был переходным и имел значение «to ignite, set on fire», в переносном (духовном) смысле он обозначал «to illuminate, fill with brightness». Его семантика трансформировалась на протяжении истории: «To light up» is from c. 1200 as «give light to» (a room, etc.); 1861 in reference to a pipe, cigar, etc. [20].

Выделяемый в настоящее время в качестве основного глагола группы глагол *shine* восходит к староанглийскому *scinan*, что означало «shed light, be radiant, be resplendent, illuminate», и далее к прагерманскому корню **skinan*. Однако более ранними являются глаголы, восходящие к праиндоевропейскому корню **ghel-*, что означало «to shine». Этот же корень являлся основой для обозначения золота (*gold*) как «яркого» металла. Здесь прослеживается синкретичное восприятие, характерное для человека языческой эпохи и оставившее заметный след в языке: большая группа слов общегерманского языка на *gl-* связана со значением света и блеска. Само понятие яркости (*brightness*) как основного качества света также произошло от праевропейского корня, и в староанглийском языке было зафиксировано как слово *glæm*. В современном английском языке этот факт подтверждает наличие глаголов-светообозначений *glare, glow, glitter, glimmer*.

На материале английского языка также прослеживаются аналогичные процессы в трансформации лексических значений, формировании понятий о многократности проявления светового признака, связи с цветовым восприятием и т.д. Например, значение глагола *glimmer* пережило при этом ряд кардинальных трансформаций в характеристике качества света: к концу XIV в. относится значение «to shine brightly», в начале XV в. зафиксировано значение «to shine dimly». XV в. определяет переход значения этого слова

к «*shine faintly*» [20]. Глаголы с детализированной семантикой, например, такой, как многократность, неодновременность, появляются позднее. Так современный английский глагол *twinkle* восходит к староанглийскому, более позднему, *twincian* со значением «to twinkle, wink, frequentative of *twincan* – to wink, blink» [20].

Глагол *shimmer* также восходит в староанглийскому *scimerian*, что значило «to glitter, shimmer, glisten, shine». Однако этот глагол интересен тем, что связан с прагерманским языком через корень **skim-*, данный корень, в свою очередь, служит основой для шведского глагола *skimra* и голландского глагола *schemeren* с общим значением «to glitter» [20].

Таким образом, наиболее явной чертой в истории развития глаголов свечения является неодновременная фиксация разных проявлений качества света и отсылка к древним формам фиксации светового признака сознанием человека.

Изучение семантики глаголов в контексте этимологических исследований позволило прояснить ряд проблем семантической реконструкции отдельных слов и лексико-семантических групп, установить семантические параллели и устойчивые модели в развитии семантики. Диахронический взгляд на проблему глаголов-светообозначений стал вкладом в выяснение природы представления светового признака языковыми средствами на протяжении развития языка и человеческого общества. Он позволил установить родственные связи между отдельными словами, рассмотреть трансформации в значениях глаголов, объяснить ряд фонетических и морфологических явлений, установить преемственность между разными этапами развития языков. Этимологический подход был уточнен и расширен работами, где анализ семантики глаголов и лексико-семантических групп представлен в синхронии.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 800 с.
2. Грамматика современного русского языка. М.: Наука, 1970. 767 с.
3. Заикина О.Н. Параметры комплексного анализа семантической категории: на примере средств обозначения света в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 30 с.
4. Красных В. И. Русские глаголы и предикативы. Словарь сочетаемости. М.: Арсис Лингва, 1993. 224 с.
5. Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М.: Наука, 1986. 126 с.
6. Мажюлис В. И.-е. *ghei- «светить, сверкать» // Этимология 1984. М., 1986. С. 124-128.
7. Полежаева Ж. Ю. Аспектуальные свойства русских глаголов-светообозначений // Вестник ОГУ. 2016. №9 (197). С. 45-53.
8. Полежаева Ж. Ю. Лексико-семантическая классификация русских глаголов-светообозначений // Вестник КемГУ. 2014а. №2 (58). С. 194-199.
9. Полежаева Ж. Ю. Семантика русских глаголов-светообозначений // Вестник КемГУ. 2014б. №1 (57). С.146-150.
10. Полежаева Ж.Ю. Глагольная концептуализация света и тьмы в русском языке // Вестник НовГУ. 2007. № 43. С. 35-38.
11. Селиверстова О.Н. Опыт семантического анализа группы русских и английских глаголов с общим компонентом «излучать свет» // Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 98–115.
12. Словарь Ожегова URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 25.09.2017).
13. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М.: Книга, 1989. Т. 3, ч. 1, 2.
14. СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1996. Вып. 23. 253 с.

15. СС – Словарь сочетаемости слов русского языка // Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М.: Русский язык, 1983. 688 с.

16. Стройкова Н.Е. Историческое развитие ЛСГ глаголов со значением «свечения» в английском языке: Дис. канд. филол. наук. М., 1972. 172 с.

17. Трубачев О.Н. Труды по этимологии. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. 800 с.

18. Царегородцева О. В. История и Этимология русских светообозначений рефлексов славянской основы *svet- // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 324. С. 56-59.

19. Царегородцева О. В. Формирование и развитие семантики русских светообозначений в аспекте проблемы семантической эволюции // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2010. №3 (11). С. 48-59.

20. OED – Online Etymology dictionary URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_fr_ame=0&search=glimmer (дата обращения: 28.09.2017).

References

1. Vinogradov, V.V. (1972), *The Russian language (Grammatical doctrine of the word)*. Moscow: Vysshaya Shkola. 800 p. [in Russian].
2. (1970), *Grammar of the Modern Russian Language*. Moscow: Nauka. 767 p.
3. Zaikina, O.N. (2004), *Parameters of complex analysis of the semantic category: the example of means of designation of light in Russian: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd*. 30 p. [in Russian].
4. Krasnykh, V. I. (1993), *Russian verbs and predicates. The compatibility dictionary*. Moscow: Arsis Lingva. 224 p. [in Russian].
5. Kuznetsov, A.M. (1986), *From component analysis to component synthesis*. Moscow: Nauka. 126 p. [in Russian].
6. Mazhyulis, V. I. (1986), -e. *ghei- «svetit', sverkat'» // *Etymology 1984*. Moscow. Pp. 124-128. [in Russian].
7. Polezhaeva, Zh. Yu. (2016), Aspectual properties of Russian verbs-light-symbols // *Vestnik OGU*. №9 (197). Pp. 45-53. [in Russian].
8. Polezhaeva, Zh. Yu. (2014a), A lexico-semantic classification of Russian verbs – light-symbols // *Vestnik KemGU*. №2 (58). Pp. 194-199. [in Russian].
9. Polezhaeva, Zh. Yu. (2014b), Semantics of Russian verbs – light-symbols // *Vestnik KemGU*. №1 (57). Pp.146-150. [in Russian].

10. Polezhaeva, Zh.Yu. (2007), *Verbal conceptualization of Light and Darkness in the Russian language* // Vestnik NovGU. № 43. P. 35-38. [in Russian].

11. Seliverstova, O.N. (1970), *The experience of semantic analysis of a group of Russian and English verbs with a common component of "radiate light"* // Aktual'nye problemy psikhologii rechi i psikhologii obucheniya yazyku. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. Pp. 98-115. [in Russian].

12. *Ozhegov Dictionary* URL: <http://slovarozhegova.ru/> (date of access: September 25, 2017). [in Russian].

13. Sreznevskiy, I.I. (1989), *The dictionary of the old Russian language*. Moscow: Kniga. Vol. 3, Parts 1, 2. [in Russian].

14. (1996), *DRL – Dictionary of the Russian language of XI-XVII centuries*. Moscow: Nauka. Vyp. 23. 253 p. [in Russian].

15. (1983), *DC – The dictionary of compatibility of words of the Russian language* // Pod red. P.N. Denisova, V.V. Morkovkina. Moscow: Russkiy yazyk. 688 p. [in Russian].

16. Stroykova, N.E. (1972), *Historical development of LSG verbs with the meaning of "glow" in English*: Dis. kand. filol, nauk. Moscow. 172 p. [in Russian].

17. Trubachev, O.N. (2004), *Proceedings of etymology*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. Vol. 1. 800 p. [in Russian].

18. Tsaregorodtseva, O. V. (2009), *The history and etymology of Russian light reflections with a Slavonic stem *svet-// Vestnik Tomskogo gos. un-ta. № 324. Pp. 56-59. [in Russian].*

19. Tsaregorodtseva, O. V. (2010), *Formation and development of semantics of Russian light-designations in the aspect of the problem of semantic evolution* // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya. №3 (11). Pp. 48-59. [in Russian].

20. OED – Online Etymology dictionary URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=glimmer (date of access: September 28, 2017). [in English].

Авдеева Мария Денисовна, учитель английского языка, МБОУ Голицынская средняя общеобразовательная школа №2, Московская область.

Maria D. Avdeeva, Teacher of English, Golitsyno Secondary School № 2, Moscow region.

УДК 811.111

DOI: 10.18413/2313-8912-2017-3-4-10-16

Бондаренко Е. В.
Радович М. А.

**ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
В АВСТРИЙСКОМ ВАРИАНТЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ «RIBISEL»**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет –
Институт межкультурной коммуникации и международных отношений,
кафедра второго иностранного языка, улица Победы, 85, город Белгород, 308015, Россия
bond-elena@yandex.ru
minara.radovic@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются особенности словообразования, а также употребления имен существительных австрийского варианта современного немецкого литературного языка в сфере гастрономии на примере лексемы «Ribisel» (смородина), а также на примере производных от нее сложных слов, таких как: Ribiselfleck (смородиновый пирог), Ribiselschnitte (кусочек смородинового пирога), Ribiselkuchen (смородиновый пирог), Ribiselwein (смородиновое вино), Ribiselsaft (смородиновый сок), Ribiselmarmelade (конфитюр из смородины), Ribiselstaude (куст смородины), Ribiselstrauch (куст смородины). Анализ показал, что в процессе словосложения участвуют не только лексемы, характерные для австрийского варианта немецкого языка: Fleck (пирог), Schnitte (ломоть, отрезанный кусочек), Staude (куст), Strauch (куст), но и лексемы, относящиеся к так называемому стандартному немецкому языку: Kuchen (пирог), Wein (вино), Saft (сок), Marmelade (джем). Проведенные нами исследования выявили факт ограничения использования лексем, относящихся к австрийскому национальному варианту в пользу общенемецких. Так, характерная для австрийского варианта лексема Ribiselfleck не встречается в печатных изданиях, но активно используется на специализированных сайтах, посвященных кулинарии. Словарь современного немецкого литературного языка (DUDEN – Wörterbuch Duden online [Электронный ресурс]), указывает следующие значения для лексемы Fleck: 1. [durch einen Klecks] verschmutzte Stelle - загрязненное место; 2. andersfarbige Stelle - место, окрашенное в другой цвет. Ни одно из указанных значений не соответствует лексеме, зафиксированной в Словаре вариантов современного немецкого литературного языка (Variantenwörterbuch des Deutschen: die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol). Таким образом, можно предположить, что печатные издательства, ориентируясь на словари DUDEN, которые часто рассматриваются в немецкоговорящем пространстве в качестве языкового стандарта, сознательно избегают употребления маркированных лексем или лексем, не указанных в словаре. Материалом для исследования послужили современные литературные произведения на немецком языке.

Ключевые слова: немецкий язык; плюрицентризм; австрийский вариант немецкого языка; словообразование; словосложение.

Elena V. Bondarenko
Minara A. Radovich

FORMING OF NOUNS IN MODERN AUSTRIAN GERMAN
EXEMPLIFIED BY ‘RIBISEL’

Belgorod State National Research University, Institute of Cross-cultural Communication and International Relations, Department of the Second Foreign Language, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
bond-elena@yandex.ru
minara.radovic@gmail.com

Abstract. The article covers some aspects of word formation and the use of nouns in the Austrian variant of the modern literary German language in the field of gastronomy, using the example of the lexeme ‘Ribisel’ (currant), as well the compound derivatives, such as Ribiselfleck (currant pie), Ribiselschnitte (a piece of currant pie), Ribiselkuchen (currant pie), Ribiselwein (currant wine), Ribiselsaft (currant juice), Ribiselmarmelade (currant jam), Ribiselstaude (currant bush), Ribiselstrauch (currant bush). The analysis shows that not only the lexemes typical of the Austrian variant of the German language are involved in the process of compounding: Fleck (pie), Schnitte (piece), Staude (bush), Strauch (bush). The process of compounding also involves the words which belong to Standard German: Kuchen (pie), Wein (wine), Saft (juice), Marmelade (jam). Our study demonstrates that Austrian German words are mostly replaced by Standard German ones. For instance, we could not find an Austrian word ‘Ribiselfleck’ in books, but it is being used on special websites devoted to cooking (mostly Austrian). ‘DUDEN dictionary’ (DUDEN – Wörterbuch Duden online) has the following meanings for ‘Fleck’: 1. [durch einen Klecks] verschmutzte Stelle – dirty place; 2. andersfarbige Stelle – a place of another color. None of these meanings matches the meaning given in the Dictionary ‘Variantenwörterbuch des Deutschen: die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol’. Thus, we can assume that publishers, referring to DUDEN dictionaries, which are often considered in the German-speaking space as a linguistic standard, knowingly avoid the use of marked lexemes or words which are not included into the dictionary. In our research, we referred to modern works of literature in German.

Key words: German; pluricentric languages; Austrian German; word formation; compounding.

Немецкий язык, являясь плюрицентричным языком, включает в себя такие национальные варианты, как австрийский и швейцарский. В отличие от указанных вариантов, диалекты других немецкоязычных государств не нормированы. Так, в Лихтенштейне и Бельгии наряду с диалектами употребляется стандартный немецкий язык. В Люксембурге используется люксембургский язык, который не считается национальным вариантом.

Ульрих Аммон при участии которого в 2004 году был создан словарь вариантов немецкого языка, ввел следующие термины

для обозначения национальных вариантов в немецком языке: австриазизмы (*Austriazismus*) для обозначения австрийских вариантов, гельветизмы (*Helvetismus*) для обозначения швейцарских вариантов и тевтонизмы (*Teutonismus*) (также их обозначают как дойчландизмы *Deutschlandismus* или германизмы для обозначения национальных вариантов Германии. (Ammon, 1995: 99).

Согласно Аммону (Ammon, 1995: 3) стандарт национального варианта является кодифицированным, то есть официально закреплен в литературной языковой норме и

используются в системе образования. Помимо этого национальный вариант наделен официальным статусом, что позволяет ему функционировать на территории всего государства (в Швейцарии речь идет о функционировании в языковом сообществе в рамках одного государства), образуя языковую норму. Благодаря такому узаконенному статусу и преподаванию национального варианта в общеобразовательных школах, границы функционирования языка совпадают с национальными границами (Ammon, 1997: 6). Сохранение языковых норм поддерживается экспертами в данной области (преподавателями, служащими и т.д.). (Ammon, 2004: 32).

Противоположностью стандартного национального варианта являются нестандартные языковые варианты, например, диалекты. Несмотря на то, что данные варианты могут быть описаны в словаре, они не относятся к национальному стандарту (Ammon, 1995: 3, 70).

В нашей работе мы рассматриваем словоформы, относящиеся к стандарту австрийского национального варианта. Источниками выборки фактического материала послужили 2 словаря: Словарь современного немецкого литературного языка (DUDEN – Wörterbuch Duden online [Электронный ресурс]), а также словарь вариантов современного немецкого литературного языка (VWdD – Variantenwörterbuch des Deutschen: die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol). Далее мы будем использовать сокращенную форму для наименования данных словарей, а именно: словарь DUDEN и, соответственно, словарь VWdD. Словарь VWdD отмечает основную разницу между национальными вариантами по большей части выраженную в словарном запасе и произношении (2004, XXXVIII). Данная статья посвящена морфологическим особенностям существительных австрийского национального варианта. Далее мы разберем способы словообразования в австрийском

варианте немецкого языка на примере лексемы **Ribisel, die** (смородина).

1. Ribisel, die (DUDEN: österreichisch, zu Italienisch ribes < mittellateinisch ribes = Johannisbeere < arabisch rībās = eine Art Rhabarber) – Johannisbeere, die (DDt) – смородина.

ÖDT Zum Schluss die Nüsse, Mehl und **Ribisel** mit einem Schneebesen vorsichtig unterheben (Pfeifer 2015: 82).

DDT Schwarze **Johannisbeeren** strotzen geradezu vor Kraft (Stern 2015: 56).

Лексема **Ribisel** фиксируется как в словаре DUDEN, так и в словаре VWdD с пометой австрийский национальный вариант. Как видно из примеров, обе лексемы употребляются в печатных изданиях.

2. Ribiselfleck, der: -(e)s, -e; (VWdD: A) - открытый пирог, испеченный на противне.

ÖDT Für den **Ribiselfleck** zunächst Dotter, Wasser, Vanillezucker und Staubzucker schaumig rühren (<http://bine.knienieder.com/ribiselfleck/>)

DDT **Johannisbeerkuchen** bei 150 C ca. 45-60 Minuten backen (Schlicker, 2016: 15).

Словарь DUDEN не содержит словоформы **Ribiselfleck**. В то же время, в словаре указываются следующие значения для лексемы **Fleck, der**:

- *[durch einen Klecks] verschmutzte Stelle* - загрязненное место;

- *andersfarbige Stelle* - место, окрашенное в другой цвет;

Ни одно из указанных значений не соответствует лексеме, зафиксированной в словаре VWdD. Также мы не обнаружили употребления данной лексемы в современных печатных изданиях. В то же время, словоформа **Ribiselfleck** активно используется на австрийских сайтах, посвященных кулинарии. Наш пример был заимствован из одного из таких сайтов.

3. Ribiselschnitte, die; (VWdD: A) – кусок смородинового пирога.

Словарь VWdD указывает словоформу **Ribiselschnitte, die** в составе словарной статьи к лексеме **Ribisel**. Отдельная словарная статья дает 5 значений слова

Schnitte, die, 3 из которых относятся к австрийскому варианту:

1. *aus mehreren Schichten bestehende und mit einer süßen Masse bestrichene Waffel*) – вафли, состоящие из нескольких слоев, пропитанных сладкой массой;

2. *Suppeneinlage aus mit Leber oder Milz bestrichenen Weißbrotstückchen* – суповая заправка из кусочков белого хлеба с намазанными на него печенью или селезенкой;

3. *rechteckig geschnittenes Stück eines auf einem Backblech gebackenen Kuchens* – нарезанные в форме прямоугольника кусочки испеченного на противне пирога.

В качестве примера к последнему значению в словарной статье указывается словоформа **Ribiselschnitte, die**. Здесь же рассматриваются различные формы, образованные при помощи словосложения, частью которых является лексема **Schnitte, die**: Apfelschnitte, Cremeschnitte, Fruchtschnitte, Kokosschnitte, Mohnschnitte, Nusschnitte, Obstschnitte, Preiselbeerschnitte, Punschnitte, Topfschnitte.

Словарь DUDEN не содержит словоформы **Ribiselschnitte**, но дает следующие определения к лексеме **Schnitte, die**:

1) *meist in Querrichtung von etwas abgeschnittene Scheibe* – отрезанный кусок чего-либо по большей части в поперечном направлении;

2) *[belegte oder mit Brotaufstrich bestrichene] Brotscheibe* – бутерброд или хлеб с маслом/джемом;

3) *(österreichisch) Waffel* – вафли.

Таким образом, в словаре DUDEN указывается лишь одно значение из трех, содержащихся в словаре VWdD, относящееся к австрийскому варианту немецкого языка, в то время как два других значения относятся к общенемецкому стандарту.

ÖDT Das Rezept für **Ribiselschnitten** schmecken fruchtig, süß und sauer zugleich (<https://www.gutekueche.at/ribiselschnitten-rezept-1254>)

DDT Johannisbeerkuchen bei 150 C ca. 45-60 Minuten backen (Schlicker, 2016: 15).

Пример, в котором употребляется лексема, относящаяся к австрийскому национальному варианту, также был заимствован нами из кулинарного сайта. В современных печатных изданиях мы не обнаружили использование данной лексемы.

Следующие словоформы образованы при помощи словосложения лексемы из австрийского варианта с общенемецкими лексемами.

4. **Ribiselkuchen, der**; (VWdD: A) – пирог со смородиной.

Словарь DUDEN не указывает словоформу **Ribiselkuchen**, но дает следующие определения к лексеме **Kuchen, der**:

1. *[größeres, in einer Backform gebackenes] Gebäck aus Mehl, Fett, Zucker, Eiern und anderen Zutaten* - выпечка большого размера, приготовленная в форме для выпекания и состоящая из муки, масла, сахара, яиц и других ингредиентов;

2. *Rückstand von ausgepressten Trauben oder Ölfrüchten* - отжимки выжатого винограда или масличных культур.

При этом лексема **Kuchen, der** не содержит никаких помет, что указывает на ее принадлежность к общенемецкому стандарту.

ÖDT Mit frischen Semmeln, Topfenkolatschen und **Ribiselkuchen** ausgerüstet, rückte ich zu Hause an (Prochazka, 2004: 18).

DDT Johannisbeerkuchen bei 150 C ca. 45-60 Minuten backen (Schlicker, 2016: 15).

5. **Ribiselmarmelade, die**; (VWdD: A) – конфитюр.

Словарь VWdD описывает лексему **Marmelade, die** помимо ее прямого значения также как определяющий компонент в составе сложных слов. При этом словарь помечает ее как австрийский национальный вариант, в то время как для общенемецкого варианта указывается лексема **Marmeladen**. Словарь DUDEN также указывает два варианта употребления данной лексемы (например, *Marmeladebrot, das* или *Marmeladenbrot, das*), но отмечает данные

словоформы только как родственные, без указания на принадлежность к австрийскому национальному варианту.

ÖDT Die Blätterteigstreifen mit **Ribiselmarmelade** dünn bestreichen (Bier, 2000: 137).

DDT Die **Johannisbeermarmelade** in die Sauce einrühren und dabei nach und nach die Butter zugeben, damit die Sauce schön glänzend wird (Ramsay, 2014: 91).

6. **Ribiselsaft, der** (DUDEN: österreichisch) - Saft aus Johannisbeeren (DDt) – сок из смородины.

Данная лексема указывается в словаре DUDEN как типичная для восточной части Австрии. В словаре VWdD такая помета отсутствует.

ÖDT Für den **Ribiselsaft** gekocht rote und/oder schwarze und/oder gelbe Ribiseln waschen, etwas zerdrücken und mit dem Wasser einmal aufkochen lassen (<https://www.ichkoche.at/ribiselsaft-gekocht-rezept-218882>).

DDT Wieviele Johannisbeeren braucht man, um einen Liter **Johannisbeersaft** zu machen? (Fagan, 2004: 12).

Пример, в котором употребляется лексема, относящаяся к австрийскому национальному варианту, также был заимствован нами из кулинарного сайта. В современных печатных изданиях мы не обнаружили использование данной лексемы.

7. **Ribiselstaude, die;** (VWdD: A) – куст смородины.

Словарь издательства DUDEN не фиксирует данную словоформу. Указываются следующие значения для лексемы **Staude, die**:

1. *Staude, die (Botanik) [große] Pflanze mit mehreren, aus einer Wurzel wachsenden kräftigen Stängeln, die im Herbst absterben und im Frühjahr wieder neu austreiben* - ([большое] растение с большим количеством сильных стеблей, растущих из корня, которые отмирают осенью и снова дают ростки весной).

2. *(landschaftlich, besonders süddeutsch) Strauch* – (употребление в сфере ландшафта, характерно для юга Германии) куст.

ÖDT Erich einmal so selbstkritisch wie verzweifelt gesagt haben, ist das keine Frisur, sondern eine **Ribiselstaude!** (Menasse, 2001: 206).

DDt DDt Einige Hühner flatterten auf und suchten hinter einem **Johannisbeerstrauch** Schutz (Larsson, 2013: 17).

Словарь VWdD помечает лексему **Staude, die** как типичную для австрийского национального варианта, а также для южнонемецкого региона.

8. **Ribiselwein, der** (DUDEN: österreichisch) – Wein aus Johannisbeeren (DDt) – вино из ягод смородины.

ÖDT **Ribiselwein** – Obstland-Kellerei Allacher Gols Bereits seit Jahrzehnten zählt er zu den bekanntesten österreichischen Fruchtweinen (<https://www.fruchtwein.at/ribiselwein/>)

DDt Du sollst den ersten diesjährigen **Johannisbeerwein** probieren (Zierke, 2015: 188).

9. **Ribiselstrauch, der;**(VWdD: A) – куст смородины

Словарь издательства DUDEN не содержит данной словоформы. Лексема **Strauch, der**, указанная в словаре, имеет следующее значение:

Pflanze mit mehreren an der Wurzel beginnenden, holzigen Zweigen; Busch – растение с большим количеством веток, начинающихся у корня; куст. Словарь не дает помет, что указывает на принадлежность лексемы к общенемецкому национальному варианту.

ÖDT Die Buschpflanzen waren nicht alle bewohnt, nur in einem Weinstock wohnte ein Kindwesen und unterhielt sich offensichtlich gerade mit einem Zwerg im **Ribiselstrauch**, der offensichtlich ziemlich ärgerlich war, weil er wild mit den Händen herumfuchtelte (Bulant, 2011: 13).

DDt Einige Hühner flatterten auf und suchten hinter einem **Johannisbeerstrauch** Schutz (Larsson, 2013: 17).

Анализируя проделанную работу, мы можем отметить, что только 3 двухкомпонентные лексемы производные от

лексемы Ribisel указаны в словаре DUDEN. В то же время, все описанные выше словоформы, а именно 8 двухкомпонентных лексем, фиксируются словарем VWdD. Также следует отметить, что лексемы, которые не были включены в словарь DUDEN, реже употребляются в печатных источниках, при этом их можно встретить на форумах и сайтах, посвященных кулинарии. Данный факт свидетельствует о том, что данные слова входят в активный словарный запас австрийцев. Таким образом, можно предположить, что печатные издания, ориентируясь на более авторитетное издательство DUDEN, которое часто рассматривается в немецкоговорящем пространстве в качестве языкового стандарта [Schrodt, 1997: 20], сознательно избегают употребления лексем, не указанных в словаре или маркированных лексем.

Майкл Клайн (Clyne, 1995: 24) и Рудольф Мур (Muhr, 1995: 97) критикуют словари издательства DUDEN за то, что, маркируя австрийские, швейцарские, а также южнонемецкие региональные варианты, они оставляют без помет слова и выражения, имеющие хождение в северной части Германии, таким образом, представляя их как языковой стандарт немецкого языка. Таким образом, пользователи словарей склоняются к тому, чтобы использовать лексемы, не имеющие помет, так как маркированные слова являются сигналом к ограничению в использовании.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

References

1. Ammon, U. (1995), *Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz*. Das Problem der nationalen Varietäten, de Gruyter, Berlin/New York.
2. Ammon, U. (1997), *Nationale Varietäten des Deutschen*, Studienbibliographien Sprachwissenschaft, Bd.19, Groos, Heidelberg.
3. Ammon, U. (2004), *Standard und Variation: Norm, Autorität, Legitimation*, in: Eichinger, Ludwig M.; Kallmeyer, Werner (Hrsg.): *Standardvariation. Wieviel Variation verträgt die deutsche Sprache?* Institut für Deutsche Sprache, Jahrbuch 2004, de Gruyter, Berlin/New York.
4. Bier, E. (2000), *Gesund und Schlank*, BoD – Books on Demand, Norderstedt.
5. Bulant, R. (2011), *Zwischenwelt: Taaffeite*, Novum pro Verlag, Berlin.
6. Clyne, M. (1995), *The German language in a changing Europe*, Cambridge University Press, Cambridge.
7. Fagan, S. (2004), M. B. *Using German Vocabulary*, Cambridge University Press, Cambridge.
8. Gute Küche.at, Das österreichische Gourmet-Portal, 2017, [Online], available at: <https://www.gutekueche.at/ribiselschnitten-rezept-1254> (Accessed 28.11.2017).
9. Ich koche.at, Rezepte, 2017, [Online], available at: <https://www.ichkoche.at/ribiselsaftgekocht-rezept-218882> (Accessed 28.11.2017).
10. Larsson, A. (2013), *Weißer Nacht*, C. Bertelsmann Verlag, München.
11. Mamas and More – Kreativblog, 2017, [Online], available at: <http://bine.knienieder.com/ribiselfleck> (Accessed 28.11.2017).
12. Menasse, R. (2001), *Die Vertreibung aus der Hölle*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main.
13. Muhr, R. (1995), *Zur Sprachsituation in Österreich und zum Begriff Standardsprache in plurizentrischen Sprachen*. Sprache und Identität in Österreich, Hölder-Pichler-Tempsky, Wien.
14. Obstland-Kellerei, Allacher, 2017, [Online], available at: <https://www.fruchtwein.at/ribiselwein/> (Accessed 28.11.2017).
15. Pfeifer, D. (2015), *LowCarb Schmankerl: Glutenfrei. Sojafrei. Typisch!* BoD – Books on Demand, Norderstedt.
16. Prochazka, W. (2004), *Ich träumte von Solferino: historischer Roman*, BoD – Books on Demand, Norderstedt.
17. Ramsay, G. (2014), *Meine ultimative Kochschule*, Münchner Verlagsgruppe GmbH, München.
18. Schlicker, M. (2016), *Low Carb Torten & Kuchen*, eBook.
19. Schrodt, R. (1997), *Österreichisches Deutsch und andere nationale Varietäten plurizentrischer Sprachen in Europa, Empirische Analysen*, Hölder-Pichler-Tempsky, Wien.

20. Stern, C. (2015), *Die Heilkraft der Pflanzenknospen: Gemmotherapie entdecken und anwenden*, Georg Thieme Verlag, Stuttgart.

21. *Variante Wörterbuch des Deutschen (2004), Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Luxemburg, Ostbelgien und Südtirol*. Hrsg.: Ammon, Ulrich; Bickel, Hans; Ebner, Jakob; Esterhammer, Ruth; Gasser, Markus; Hofer, Lorenz, de Gruyter, Berlin/New York.

22. Zierke, H. (2015), *Eine Chance für Biggers*, eBook.

Бондаренко Елена Валентиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры второго иностранного языка ИМКМО (институт межкультурной коммуникации и международных отношений).

Радович Минара Алибеговна, ассистент кафедры второго иностранного языка ИМКМО (институт межкультурной коммуникации и международных отношений).

Радович Минара Алибеговна, ассистент кафедры второго иностранного языка ИМКМО (институт межкультурной коммуникации и международных отношений).

Elena V. Bondarenko, Associate Professor, Professor, Department of the Second Foreign Language, Institute of Cross-cultural Communication and International Relations.

Minara A. Radovich, Assistance Lecturer, Department of the Second Foreign Language, Institute of Cross-cultural Communication and International Relations.

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2017-3-4-17-25

Седых А. П.¹
Бузинова Л. М.²

**К ВОПРОСУ О ПИСЬМЕННОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ ФРАНЦУЗСКИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ**

- ¹) Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ») ул. Победы 85, г. Белгород 308015 Россия
sedykh@bsu.edu.ru
- ²) Международный университет в Москве
rluda@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена описанию коммуникативных и когнитивных признаков академического дискурса, в частности письменного дискурса, и его трактовок в языкознании. Рассматриваются различные трактовки дискурса в современных лингвистических исследованиях. **Введение и теоретические обоснования.** Академический дискурс представлен в рамках принципа профессионального позиционирования, как преподавателя, так и исследователя. Мирозрение преподавателя, как правило, отражается в способах языковой репрезентации концептосферы на уровне профессиональных текстов. Языковой (текстовый) материал выступает базовым элементом для семиотической трактовки академического дискурса, что позволяет реконструировать гипотетическую обобщающую модель лингвоидентичности преподавателя. Индивидуальные черты концептосферы и тезаурусный уровень преподавателя являются базовыми эпистемологическими компонентами для выявления признаков языковой личности рассматриваемого типа. **Основная часть.** Показано, что академический дискурс выступает релевантным объектом для выделения сущностных признаков языковой личности преподавателя. Языковая личность преподавателя трактуется как образцовый элемент национального лингвокультурного сообщества. Рассматриваются эпизоды письменного дискурса французских преподавателей с целью выявления типологии признаков. Французский письменный академический дискурс рассматривается как особый жанр институционального дискурса, который имеет свои исторические традиции, нормы и стандарты. Функционирование академического дискурса, как правило, обусловлено необходимостью заполнять большое количество официальной документации. **Заключение.** Делается вывод о том, что академический дискурс характеризуется специфическими признаками, обладающими релевантными свойствами для выделения типологии языковых явлений и выделения доминантных черт языковой личности преподавателя (в частности, французского), как на уровне коллективных, так и индивидуальных параметров. Предлагается гипотеза как основа для дальнейших исследований, в рамках которой выделяются ключевые признаки языковой личности французского преподавателя и письменного академического дискурса: нормативность, информативность, креативная прагматичность, эстетика профессионального взаимодействия.

Ключевые слова: академический дискурс; письменный дискурс; когниция; коммуникация; лингвокультура; концепт; идиосфера; языковая личность преподавателя.

Arkady P. Sedykh¹
Lyudmila M. Buzinova²⁾

ABOUT THE WRITTEN ACADEMIC DISCOURSE
OF FRENCH TEACHERS

¹⁾ Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education
«Belgorod National Research University»
85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
sedykh@bsu.edu.ru

²⁾ International University in Moscow
rluda@mail.ru

Abstract: The paper describes communicative and cognitive features of academic discourse, in particular written discourse, and its interpretations in linguistics. Various interpretations of discourse in modern linguistic studies are considered. **Introduction and theoretical justification.** Academic discourse is described in terms of the concept, in relation to which the teacher and researcher position themselves. Teacher's worldview is often manifested in the framework of the verbalization of a number of concepts that organically enter the idiosphere of professional texts. The reconstruction of the hypothetical generalizing model of the linguistic personality of the teacher is based on the description and analysis of the use of linguistic material as the basis for the interpretation of the semiotic space of discourse. The individual concept sphere and the teacher's thesaurus can be considered as an epistemological basis for identifying the features of the language personality. **Main part.** It is suggested that academic discourse is a relevant object for highlighting the essential features of the linguistic personality of the teacher. The language teacher's personality is treated as an exemplary element of the national linguistic culture community. The episodes of the written discourse of the French teachers are examined with the purpose of revealing the typology of signs. French written academic discourse is regarded as a special genre of institutional discourse, which has its own historical traditions, norms and standards. The functioning of academic discourse, as a rule, is due to the need to fill a large number of official documents. **Conclusion.** It is concluded that academic discourse has a number of essential features, based on the analysis of which it is possible to single out the dominant features of the linguistic personality of the French teacher, both collective and individual. As a hypothesis for further research, the key features of the linguistic personality of the French teacher and written academic discourse are highlighted: normative, informative, creative pragmatism, aesthetics of professional interaction.

Key words: academic discourse; written discourse; cognition; communication; lingvoculture; concept; idiosphere; linguistic teacher's identity.

Особенности академического дискурса и коммуникации могут быть выделены на всех уровнях языкового поведения представителей учительской профессии. Письменный дискурс имеет особый статус в данной сфере человеческой деятельности, так как преподаватель обязан не только заполнять и оформлять многие документы в письменном

виде, но и осуществлять данный тип коммуникации наряду с другими жанрами и форматами общения.

Письменный текст коммуникативен по определению и интенциональной природе дискурса, к которому он принадлежит, он реализует интеллектуально-творческий потенциал личности в процессе интеракции

преподавателя и обучающегося, передавая последнему лингвоэстетическую информацию, содержащую преподавательское отношение к ученику, дидактическую позицию, устойчивые ценностные ориентации [4; 16].

Специфика преподавательского мировидения, как правило, манифестируется в определённом наборе средств вербализации академических концептов. Гипотетический обобщающий (коллективный) прототип языковой личности может быть реконструирован при помощи моделизации восприятия информации о мире и человеке (педагогическом универсуме и мире обучающегося) на основе интерпретации соответствующего языкового материала. При этом языковая личность может трактоваться в терминах академической концептосферы и тезауруса преподавателя [14].

Речь идет об академических концептах, которые генерируются коммуникативным пространством дидактического текста и формируют обобщённый образ преподавательской картины мира. Несомненной представляется связь академического концепта с логической концептосферой в русле реализации преподавательского слова и образа. Задачи выявления семантики концепта и её реализации в профессиональном дискурсе могут быть решены с относительной степенью рациональной обоснованности в рамках осмысления системы педагогического опыта (чувственного и экзистенциального).

Современное языкознание базируется на идентичных критериях трактовки термина «концепт» [1; 2; 18, с. 42]. При этом в динамике восприятия текстового продукта концепт может трактоваться в качестве эмбриона мыслительных шифтов [термин Томаса Кунна 1962], при чём для развёртывания во времени операции данного типа требуется определённое время. В этом плане следует отметить, что возможности осуществления логически манипуляций с академическим концептом связаны с понятием имплицитности, являющемся неотъемлемой частью преподавательского дискурса. Имплицитное в преподавательском,

как и в любом типе дискурса, обладает относительно чёткой динамической структурой и тяготеет к потенциальному образу [13].

Мы разделяем точку зрения о том, что академический дискурс должен трактоваться в качестве одного из ярчайших лингвистических феноменов и способов национального мировидения. При этом национальный язык, общенациональный дискурс и коммуникативное поведение органично интегрируются в структуру языковой личности преподавателя [15, с. 6].

Отличительной чертой лингвистического анализа способов репрезентации академических концептов является тот факт, что по преимуществу это связано с описанием функциональных механизмов порождения специальных текстов. Личность преподавателя рассматривается в типологическом аспекте на основе выявления оптимальных семантических конфигураций текста. Личностные ассоциативные ходы и мнемонические ресурсы в своей совокупности неотделимы от структур конкретной языковой личности в синергии с авторским текстом [16]. Кроме того, форматные текстовые параметры, которые индуцируют модусы языкового существования в виде идиолектных черт преподавателя, выступают важными элементами автономных описаний ипостасей языковой идентичности.

Поведение лексических единиц в рамках дискурсного пространства учительских текстов отличается специфическими чертами. Под воздействием индивидуальности учителя и академического контекстуального фрейма языковая компонента «овладевает» оригинальным, присущим только данным текстам содержанием именно благодаря достаточно свободным семантическим границам самих языковых единиц. В этом аспекте трансформационные процессы подчиняются ключевой тематике, повествовательным установкам и прагматическим задачам дискурса данного типа.

Современный лингвистический мир до сих пор «пестрит» многообразием концепций,

подходов, рефлексии, комментариев по поводу сущностных характеристик дискурса, что свидетельствует о высокой актуальности и востребованности изучения рассматриваемого феномена, в частности академического дискурса [3; 5; 7; 9; 10].

Говоря о многозначности термина дискурс, можно отметить его общие черты. Ряд учёных, рассматривая дискурс как процесс или деятельность, описывает данное явление в русле языкового функционирования в аспекте различных исследовательских направлений и парадигм: литературоведения и семиотики, логики и антропологии, этнологии и историографии. Это касается также и переводческой практики, педагогической деятельности, философии и лингвистики [6, с. 86-95].

Интересным, хотя несколько узким, представляется концепция «лингвистической формы жизни», которая объединяет дискурс на уровне внутреннего и внешнего мира, иными словами субъективно-объективной реальности, соотнося её фактически с определёнными стилистическими характеристиками текста (собственно дискурсным стилем), в качестве специфической формы повествования и локации: интервью, репортажа, научно-популярной лекции. До настоящего времени в лингвистике существует ряд подходов, в русле которых термин «дискурс» употребляется в качестве синонима термина «стиль», иными словами стилистическая общность лингвистических манифестаций как то: подготовленная речь, текст выступления, публицистические статьи, репортажи и пр. [13, с. 33].

Термин «академический дискурс» часто соотносится с различными национальными традициями и вкладами авторов. К наиболее значимым концепциям академического дискурса, который в отечественной и зарубежной лингвистике часто трактуется, как часть институционального дискурса, можно отнести следующие теоретические представления:

1. В.И. Карасик акцентирует внимание на деонтическом аспекте институционального

дискурса – соблюдении норм и правил общения в конкретном социуме. По мысли Владимира Ильича, центральным моментом институционального дискурса является «диалогичность», иначе говоря, диалоговая интеракция «базовой пары участников» коммуникации в рамках бинарных идентичностей: учитель ↔ ученик; врач ↔ пациент; журналист ↔ читатель; следователь ↔ осужденный. При этом подчёркивается наличие чётко сформулированной цели и «жёсткий» фреймовый хронотоп коммуникативной ситуации в процессе реализации институционального общения [8].

2. Анна Константиновна Михальская трактует педагогический дискурс как объект и интегральную часть учебно-педагогической дисциплины «педагогическая риторика». Для учёного важен класс речевых ситуаций (коммуникативный событий), в рамках которых осуществляется речевое поведение, где коммуникативное событие, точнее его природа, рассматривается как «обучение и воспитание в профессиональной и образовательной деятельности» [11].

3. Мари-Кристин Полле рассматривает академический дискурс в рамках университетского дискурса и использует термин «академический жанр». Учёный делает акцент на ключевых признаках дискурса данного типа: аргументативности и экспликативности, и видит в нём «существование зон дискретности и преемственности, что является главной характеристикой академического дискурса, который базируется на способности управлять дифференцированной сферой экспликации и аргументации» [12; 23, с. 773].

Мы определяем содержание термина «академический дискурс» на основе принципа профессиональной идентичности, *когда личность сознательно (или интуитивно) отождествляет себя с признаками соответствующей профессии в рамках вербализации компонентов педагогической концептосферы, включающей в себя базовые концептуальные структуры: образование, преподавание, учитель, студент*

(ученик), дидактика, методика преподавания и пр.

Нам также близка концепция академического дискурса Ю. Хабермаса, как идеального вида коммуникативной интеракции. По мнению Юргена Хабермаса, главной задаче диалогической коммуникации (дискурса) является достижение согласия путём согласования «спорных притязаний», иными словами в дискурсе коммуникант пытается при помощи аргументации (обоснования) повторно осуществить нечто вроде «проблематизированного» согласия, имевшего место в процессе коммуникативного действия [19, с. 69-76].

Новая антропологическая парадигма последних десятилетий стала ориентироваться на дискурсный анализ, расширяя сферу исследования языковых явлений на пути детализации методов анализа, что потребовало поиска и разработок адекватных лингвистических подходов. Вместе с тем академический дискурс как языковая сущность структурирован согласно относительно жёстких определённых правил национальной лингвокультуры. Экспериментальные языковые образования подчёркивают (высвечивают) языковые правила и ограничения самим фактом их нарушения.

Языковое общение базируется на присутствии противопоставленных (противопоставляемых) дискурсных актантов – говорящего и адресата речи (в нашем случае преподавателя и обучающегося).

Механизмы построения дискурса не идентичны моделированию процессов его анализа. По нашему мнению дискурс должен представляться как бинарная взаимосвязанная единица двух уровней: самой речевой деятельности и результата данной деятельности. Это своеобразная «машина» производства смыслов, так как речь здесь идёт о законченной нарративной конструкции, состоящей из взаимосвязанных семиотических ярусов, каждый из которых обладает финитными свойствами лишь для конкретного акта речи [20; 21; 13, с. 4].

В своей эволюции понятие «дискурс» (в нашем случае академический дискурс) выходит в сферу сверхфразовых единств, так как эта комплексная категория состоит из последовательных пропозициональных единиц, которые объединяются по принципу логико-смыслового типа когезии. Здесь можно говорить о языковой единице вершинного уровня со своей структурой и спецификой её функционирования. Лингвистический конец двадцатого века ознаменовался приобретением новых, часто неожиданных черт «языкового облика», который ещё предстоит изучить [17, с. 71].

Как и любой вид письменности французский преподавательский дискурс письменного формата имеет свою историю и традиции, нормы и стандарты. Гиперболизируя известное изречение французских лингвистов, можно сказать, что французы никогда не говорят, как пишут и никогда не пишут, как говорят. Ещё в начале 19 века французские литераторы писали об этом феномене национальной лингвокультуры, отмечая «приятность» французского языка и фонетические и эпистолярные особенности речи парижан, которые «съедают» слова и пишут иначе, чем говорят, до такой степени, что создаётся впечатление, что они получают удовольствие от того, что их не понимают. Данный афоризм не утрачивает своей актуальности и в современной французской языковой культуре.

Французские преподаватели, как впрочем, и российские представители учительской профессии вынуждены очень часто заниматься «эпистолярными» экспериментами, так как поставлены перед объективной (институциональной) необходимостью обрабатывать бесконечное количество академической документации, будь то классные (групповые) журналы или ученические дневники (студенческие порт-фолио).

Как известно специальная лексика шаблонного типа является обязательным элементом официальных документов. Приведём лишь часть лексического корпуса французского письменного дискурса: *acquis*,

bon, contrôler, correct, corriger, l'évaluation, évaluer, exact, faux, juste, mauvais, non, non acquis, la méthode, la note, oui, reprendre (à), revoir (à), se tromper, su, vérifier, vrai, vu.

Рассмотрим некоторые элементы письменного дискурса, отражающего специфические черты процесса преподавательской деятельности, которые манифестируются в различных лексико-семантических средствах.

Письменные конструкторы: *la lettre, toutes les lettres de l'alphabet, l'alphabet, la syllabe, le mot, la phrase, les signes de ponctuation les plus usuels, ponctuer.*

Фонетическая терминология: *le son, la syllabe, la prononciation, la liaison, la lettre muette.*

Грамматические комметарии: (*pour tous les termes qui suivent, distinguer l'apprentissage du terme et de la notion*): *le sujet, le verbe (transitif, intransitif), le complément d'objet direct, le complément circonstanciel, les pronoms personnels, le nom commun, le déterminant, l'adjectif, le masculin, le féminin, le singulier, le pluriel, conjuguer, accorder, les temps verbaux les plus usuels, les types de phrase.*

Жанровые характеристики дискурсивной идентичности: *identifier les discours narratif, descriptif, explicatif et argumentatif, le récit, le poème, la pièce de théâtre, la publicité, le documentaire, la lettre, le dialogue.*

Базовые компетенции владения французским языком и соответствующие термины:

- *décrire (verbes d'état les plus usuels, adjectifs désignant des qualités observables et non observables, lexique des couleurs).*

- *raconter : temps verbaux, les connecteurs spatiaux et temporels les plus usuels.*

- *expliquer : expression de la cause et de la conséquence.*

- *argumenter : l'avis, la conclusion, la condition, la démonstration, démontrer, l'exemple, l'hypothèse, l'idée, justifier, montrer, l'opinion, préciser, la raison, vérifier.*

Рассматриваемые примеры манифестируют нормативные и жёстко структурированные языковые средства. Любое отступление от строгих правил

терминологического узуса, как правило, трактуется в терминах «попра́ния» нормативных профессиональных стандартов.

Академическая коммуникация не может обойтись без общения с родителями обучающихся, что часто осуществляется в письменной форме посредством специальных дневников (*Carnet de notes et de correspondance; carnets, cahiers de liaison*). Данный тип документации содержит информацию о правилах внутреннего распорядка учебного заведения, о расписании занятий, а также отдельную часть для осуществления непосредственной связи родителей с преподавателями и администрацией образовательного учреждения.

В русле наших наблюдений и комментариев целесообразнее рассмотреть именно родительскую часть, в которой ярко проявляется (часто с неожиданной стороны) письменная ипостась преподавателя:

1. *Madame, faut-il rappeler à **** que le cours de S.V.T. n'est pas un zoo?*

*Votre fille se permet de prendre sa souris blanche durant ce cours sous prétexte que, d'après elle, elle lui apprend à lui obéir de la façon suivante; «J'lui montre ses copines avec les boyaux à l'air en lui disant que si elle ne m'obéit pas, son destin se trouve là!». Cette attitude nous laisse penser une fois de plus, Madame, que **** devrait consulter un spécialiste pour son comportement des plus sadiques. Cordialement.*

2. *Votre fils **** lance des grosse boules de papier colorée de rouge en direction du tableau en criant «Pokéball GO!, il s'entraînait pour la ligue pokémon! ... Comportement très néfaste.*

3. *Très agitée, vide les cartables de ses camarades, attitude incontrôlable et puérile, dès son entrée en cours éclats de rire... Réponses insolentes en plus la 2-ième heure je surprends votre fille en train de poser du vernis sur ses ongles!*

4. *Madame, votre fils s'est planté devant moi en me disant que j'étais un laxatif tellement que je le faisais chier ... (vous m'excuserez de l'expression) [22 Les 10 pires observations de profs].*

Приведённые примеры манифестируют сущностную и тотальную необходимость (потребность) воспитательно воздействовать на ретивого ученика или ученицу. Каждый эпизод отличается чёткой аксиологической направленностью: *le cours de S.V.T. n'est pas un zoo; comportement des plus sadiques; Comportement très néfaste; attitude incontrôlable; Réponses insolentes.*

При этом адресанты академического сообщения в общих чертах выдерживают этикетный формат коммуникации, на что указывают верно употреблённые корректные формулировки (*Cordialement*), обращения и наименования (*Madame, votre fils, votre fille*), а также глаголы сослагательного наклонения (*devrait consulter*).

К доминантным способам подачи информации представляет особый интерес с точки зрения лингвосемиотики. Речь идёт о детальном представлении последовательности событий чёткой прагматической направленности – активно вовлечь родителя в анализ коммуникативного (проблемного) поведения ребёнка:

Votre fille se permet de prendre sa souris blanche durant ce cours sous prétexte que, d'après elle, elle lui apprend à lui obéir de la façon suivante; lance des grosses boules de papier coloré de rouge en direction du tableau; je surprends votre fille en train de poser du vernis sur ses ongles.

Четвёртый пример представляется характерным и достаточно показательным для академического дискурса с точки зрения лексического и этикетного узуса. Речь идёт о ненормативной лексике (*faire chier*), которую употребляет преподаватель в контексте школьной письменной интеракции. Данное употребление недопустимо в рассматриваемой коммуникативной среде, но при нейтрализации данного выражения перлокутивное воздействие могло бы оказаться недостаточным. Преподаватель сознательно повышает эмоциональный формат высказывания и заканчивает сообщение извинительной формулировкой (*vous m'excuserez de l'expression*), стараясь оставаться в рамках педагогической

деонтологии, которая предписывает соблюдение правовых, нравственных и этических норм профессиональной педагогической коммуникации.

Итак, французский академический дискурс, в рамках которого осуществляется лингводидактическая деятельность, в качестве интегративной части институционального дискурса, обладает рядом сущностных признаков, на основе анализа которых представляется возможным выделить доминантные черты языковой личности французского преподавателя, как коллективные, так и индивидуальные. Письменная речь и коммуникация данного типа выступают неотторжимой частью общенационального педагогического дискурса французского мира, и могут рассматриваться как важнейший вектор обнаружения и реконструкции национального преподавательского мировидения. С учётом описания вышеприведённых эпизодов и на основе личных наблюдений за письменным дискурсом французских преподавателей, мы выдвигаем предположение, что к общефранцузским признакам письменной коммуникации преподавателя можно отнести такие черты как нормативность, информативность, креативную прагматичность, эстетику профессионального взаимодействия.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

Список литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136-137.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. – 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2009. 448 с.
3. Дейк, ван Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23. С. 153–212.
4. Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 312 с.

5. Демьянков В.З. Система морфологической интерпретации текста // Семинар проекта «Диалог». Тарту: ТГУ, 1982. С. 23-26.

6. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Москва, 27-30 сентября 2007 г.: Пленарные доклады. М.: Московский институт иностранных языков; Российская академия лингвистических наук; Институт языкознания РАН; Научный журнал «Вопросы филологии», 2007. С. 86-95.

7. Карасик, В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – 2-е изд. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

9. Киров, Е.Ф. Цепь событий – дискурс/текст – концепт // Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации. Лингводидактические аспекты МК: материалы науч. сессии фак-та ЛиМК ВолГУ. – Волгоград, апрель 2003: сб. науч. ст. Волгоград: Изд-во «Волгоград», 2004. – Вып. 2. С. 29-41.

10. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста: доклады VII междунар. конф. М., 1999. С. 186-197.

11. Михальская, А. К. Педагогическая риторика / А. К. Михальская // Речевое общение: специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т.; под. ред. А.П. Сковородникова. Вып. 8-9 (16–17). Красноярск, 2006. С. 170-173.

12. Пеше М. Прописные истины (Дискурс и идеология) // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 2002.

13. Седых А.П. Контекст. Знак. Образ. Белгород: БГУ, 1998. 160 с.

14. Седых А.П. Трансформация значения в метафоро-метонимическом контексте (на материале произведений М.Пруста) Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1999.

15. Седых А.П. Русско-французский словарь: профессиональная и обыденная коммуникация. М.: Флинта: Наука, 2010. 168 с.

16. Седых А.П., Бузинова Л.М. Коммуникативный имидж французского преподавателя // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки», № 4, 2017. С. 116-123.

17. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принцип причинности // Язык и наука конца 20 века. М.: РАН, 1996. С. 35-73.

18. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Академ. проект, 2001. 990 с.

19. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. 380 с.

20. Charaudeau, P. Langage et discours. P.: Hachette, 1983. 176 p.

21. Harris Z.S. Discourse analysis // Lg., 1952. Vol. 28. № 1. P. 1-30. Repr. // The structure of language: Readings in the philosophy of language. Englewood Cliffs (N. J.): Prentice Hall, 1964 (1952). P. 355-383.

22. Les 10 pires observations de profs, 2017 г. URL: <http://www.jeuxvideo.com/forums/1-51-9800391-1-0-1-0-les-10-pires-observations-de-profs.htm> (дата обращения: 01.12.2017).

23. Pollet Marie-Christine. Discours universitaires ou genre académique: l'explicatif comme zone de (dis)continuité // In: Revue belge de philologie et d'histoire, tome 75, fasc. 3, 1997. Langues et littératures modernes – Moderne taal- en letterkunde. pp. 771-787.

References

1. Arutyunova, N.D. (1990), “Discourse”, *Linguisticheskyy encyclopedicheskyy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary], Sovetskaya Encyclopedia, Moscow, 136-137. [in Russian].

2. Benveniste, E. (2009), *Linguistique générale*, Editorial URSS, Moscow. [in Russian].

3. Dake van, T.A., Kinch V. (1988), *Strategies for understanding the coherent text*, *Novoye v zarubezhnoy linguistike* [New in foreign linguistics], Progress, Mosco, 23, 153-212. [in Russian].

4. Dake van, T.A. (1989), *Language. Cognition. Communication*, Progress, Moscow. [in Russian].

5. Demyankov, V.Z. (1982), *Sistema morfologicheskoy interpretatsii teksta* [The system of morphological interpretation of the text], Seminar proyekta «Dialog», TGU, 23-26. [in Russian].

6. Demyankov, V.Z. (2007), “Text and discourse as terms and words of ordinary language”, *IV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsia «Language, culture, society*, Moscow, 86-95. [in Russian].

7. Karasik, V.I. (2000) “On the Types of Discourse”, *The Linguistic Person: Institutional and Personal Discourse*, Volgograd, 5-20. [in Russian].

8. Karasik, V.I. (2004), *Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse: monographia*, Gnozis, Moscow, 390. [in Russian].

9. Kirov, E.F. (2004), "The chain of events – the discourse / text – concept", *Actual problems of linguistics and intercultural communication*, Publishing House, Volgograd, 29–41. [in Russian].
10. Kubryakova, E.S., Alexandrova, O.V. (1999), "About the contours of a new paradigm of knowledge in linguistics", *Structure and semantics of the art text*: Moscow, 186-197. [in Russian].
11. Mikhalskaya, A.K. (2006), "Pedagogical rhetoric", *Speech communication: specialized bulletin*, Krasnoyarsk state University, Krasnoyarsk, 170-173. [in Russian].
12. Pêcheux, M. (2002) "Les vérités de la Palice (Discourse and Ideology)", *Area sense. The French school of discourse analysis*, Moscow. [in Russian].
13. Sedykh, A.P. (1998), *Context. Sign. Form*. Belgorod: BGU. [in Russian].
14. Sedykh, A.P. (1999), *Transformation of meaning in a metaphor-metonymic context (on the material of M. Proust's works)*. Author's abstract. diss. ... cand. philol. sciences, Voronezh. [in Russian].
15. Sedykh, A.P. (2010), *Russian-French dictionary: professional and everyday communication*, Flint: Science, Moscow. [in Russian].
16. Sedykh, A.P., Buzinova, L.M. (2017) "Communicative image of the French teacher", *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University*.
17. *Series "Humanities and Social Sciences"*, 4, 116-123. [in Russian].
18. Stepanov, Y.S. (1996), "Alternative world, discourse, facts and principles of causality", *Language and science of the late 20th century*, RAN, Moscow, 35–73. [in Russian].
19. Stepanov, Y.S. (2001), *Constants: Dictionary of Russian culture*, Akademicheskii proyekt, Moscow. [in Russian].
20. Habermas, J. (2001), *Involvement of another. Essays on political theory*. St. Petersburg. [in Russian].
21. Charaudeau, P. (1983), *Langage et discours*, Hachette, Paris.
22. Harris, Z.S. (1964), "Discourse analysis", *The structure of language: Readings in the philosophy of language*, Englewood Cliffs, Prentice Hall, 355-383.
23. Les 10 pires observations de profs, 2017 г. URL: <http://www.jeuxvideo.com/forums/1-51-9800391-1-0-1-0-les-10-pires-observations-de-profs.htm> (дата обращения: 01.12.2017).
24. Pollet, Marie-Christine (1997), "Discours universitaires ou genre académique: l'explicatif comme zone de (dis)continuité", *Revue belge de philologie et d'histoire*, 75, *Langues et littératures modernes – Moderne taal- en letterkunde*, 771-787.
- Седых Аркадий Петрович**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой немецкого и французского языков, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»).
- Бузинова Людмила Михайловна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Международный университет в Москве.
- Arkady P. Sedykh**, Doctor of Philology, Professor, Head of German and French Department, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «Belgorod National Research University».
- Lyudmila M. Buzinova**, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, International University in Moscow.

РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111

DOI: 10.18413/2313-8912-2017-3-4-26-33

Юзефович Н. Г.
Ефремова Г. А.

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ КИТАЙСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В МЕМУАРАХ РЭЙЧЕЛ ДЕВОСКИН
*FOREIGN BABES IN BEIJING: BEHIND THE SCENES
OF A NEW CHINA***

Тихоокеанский государственный университет
ул. Тихоокеанская, 136, Хабаровск, 680035
Российская Федерация
yuzefovich_2005@mail.ru
efremova2015galina@gmail.com

Аннотация: Интенсивное развитие английского языка как средства межкультурного общения в глобальном мире обусловило потребность во всестороннем исследовании языковой вариативности. Проблемы адаптации языка как средства описания иноязычных лингвокультур рассматриваются на разных уровнях учеными смежных научных направлениях: теории и практики перевода, лингвокультурологии, социокогнитивной лингвистики и др. Одной из наиболее сложных, но наименее изученных, на данный момент, сфер функционирования английского языка как посредника является его использование для описания китайской лингвокультуры. Важность изучения специфики передачи средствами английского языка инолингвокультурных элементов предопределена тем, что от адекватности изображения в тексте инолингвокультуры во многом зависит успешность межкультурных контактов. В статье анализируются основные средства репрезентации лингвокультурных феноменов Китая, которые включают как вербальные средства, так и ситуативное описание. В статье выделены тематические группы наиболее значимых для эффективной межкультурной коммуникации номинаций и модели перекодировки. Основные методы исследования включают контекстуальный и лингвокультурологический анализ.

Ключевые слова: лингвокультура; языковая вариативность; инолингвокультурный; картина мира; языковая картина мира.

Natalia G. Iuzefovich
Galina A. Efremova

**CHINESE CULTURAL PHENOMENA IN RACHEL DEWOSKIN'S
MEMOIRS *FOREIGN BABES IN BEIJING: BEHIND THE SCENES
OF A NEW CHINA***

Pacific National University
136 Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680035, Russian Federation
yuzefovich_2005@mail.ru
efremova2015galina@gmail.com

Abstract. Intensive globalization of almost all spheres of life has forwarded English as the main means of intercultural communication. Obviously the use of the English language in the function of other (“outer”/foreign) linguocultures makes these cultures known to the

world; during intercultural communication, the language used as a mediator to connect people of various countries, has to undergo many changes. The ways the language changes, types of its variability etc. have been studied by scholars of many scientific trends, viz. translation, cultural linguistics, socio-cognitive linguistics, etc. The contact of English with Oriental cultures seems to be of greatest interest as the values of the western world differ much from the Eastern world which makes it difficult to explain their essence. The given article sums up the results of the analysis of the main means used by an American author to describe her experience while learning Chinese in China and adapting to the Chinese ways of life. Contextual and linguocultural analysis makes it possible to single out the most essential culturally loaded groups of names. It must be also stressed that some cultural notions are not represented verbally but are made known through the context of certain situations as described by the American writer.

Key words: languoculture; language variation; foreign languoculture; world mapping; linguistic worldview.

Введение

Несмотря на то, что изучение репрезентации лингвокультурных элементов средствами другого языка находится в центре внимания ученых разных стран уже довольно длительный период, данный вопрос не теряет своей актуальности. Интерес к анализу вариативности языка объясняется как многообразием жанров функционирования глобального английского, так и спецификой контактирующих культур.

Важной характеристикой любого вербального текста является то, что в каждом из них отражен национальный способ восприятия мира своей (родной) лингвокультуры, равно как и мир иной лингвокультуры, если в произведении автор использует два и более языка. Специфика как индивидуального, так и общественного сознания, которая находит свое отражение в вербальных формах, помогает приблизиться к пониманию иноязычной картины мира.

Все актуальные лингвистические интерпретации картины мира опираются на достижения, прежде всего, немецкого языкознания XIX–XX веков и, в частности, работы Вильгельма фон Гумбольдта, в лингвофилософской концепции которого именно через язык познаётся характер народа. Как отмечает отечественный лингвист О.А. Радченко, в своих трудах В. Гумбольдт «принципиально отстаивает то, что позднее получило наименование идиоэтничность конкретного языка, т.е.

уникальности понятийного строя, обусловленной уникальностью гносеологического опыта каждого языкового коллектива» [4, с. 96]. Исследователь лингвокультуры должен всегда учитывать то, что язык отражает не реальный мир, а точку зрения на него со стороны носителей конкретного языка (как родного, так и чужого).

Теоретической базой настоящей статьи являются, во-первых, труды зарубежных ученых по вариативности языка, по переводу культурно значимых единиц [7, 9, 10] и по формированию глобального и «мирового» английского языка [10, 12, 16]. Во-вторых, работы ученых, которые исследуют глобальный английский на материале описания русскоязычной лингвокультуры [1].

Изучаемый эмпирический материал потребовал обращения к исследованиям по художественному тексту, в частности, по проблеме социо-когнитивного моделирования контактирующих концептосфер, что актуально как в аспекте перевода, так и для изучения межкультурной коммуникации [3]. В перспективе данное исследование будет развиваться как в аспекте социо-когнитивного моделирования, так и с использованием компьютерного моделирования. Технологии компьютерного моделирования апробированы в работах А.В. Колмогоровой, в частности, особый интерес для изучения межкультурных контактов представляет статья «Опыт тезаурусного моделирования способов

объективации интерлингвокультурной картины мира (на материале произведений русских писателей-франкофинов)», где рассматривается применение в лингвистике компьютерного моделирования в формате различных баз данных [2].

Материал и методы исследования

Специфика китайского языка и восточной культуры создает определенные трудности при общении на английском языке; они обусловлены, во-первых, иероглификой и тональностью китайского языка, во-вторых, специфичной картиной мира, значительно отличающейся от мировосприятия европейцев. Обращение к исследуемому материалу обусловлено тем, что автором мемуаров является американка, чей билингвизм (американо-китайский, условно говоря) формируется непосредственно в китайской лингвокультурной среде. Она познает и язык, и культуру Китая, общаясь с носителями языка непосредственно в их естественном окружении, при этом выявляются и определенные стереотипы о западном мире, которые влияют на отношение к ней китайцев, равно как и ее стереотипы, зафиксированные в американской языковой картине мира, воздействуют на ее восприятие иноязычной лингвокультуры.

Произведения, которые посвящены описанию инолингвокультуры (*ино* – с точки зрения языка произведения) изучаются как отечественными, так и зарубежными учеными, которые называют вербальные тексты такого рода в соответствии с разрабатываемыми ими направлениями. В англоязычном научном дискурсе функционируют обозначения «постколониальная литература» или *контактная (contact literature)* – в терминологии Б. Качру (Kachru, 1986) и М. Спунера (Spooner 2010), а также «транслингвальная (*translingual*) литература» в терминах Ст.Г. Келлмана (Kellman 2003) и Б. Хорнера (Horner 2011).

В концепции политической интерлингвокультурологии Н. Г. Юзефович вербальные произведения, в которых

отражается мир инолингвокультуры, являются интерлингвокультурными, т.е. автор-билингв находится на пересечении языков и лингвокультур [6, с. 147-149]. По сути, все перечисленные термины являются синонимичными, так можно назвать любое произведение, автор которого использует два и более языка: язык вербального текста переориентируется на описание иноязычной лингвокультуры, иноязычной картины мира и, соответственно, адаптируется.

Как отмечено выше, основной задачей настоящей статьи является выявление наиболее значимых в контексте анализируемой (китайской) лингвокультуры групп номинаций (тематика) и наиболее распространенных англоязычных средств передачи их номинаций. Выделенные способы репрезентации специфических элементов китайской лингвокультуры можно условно разделить на две группы: вербальные способы или эксплицитно-маркирующие лингвокультуру единицы и репрезентация лингвокультуры в контексте при описании определенной ситуации, т.е. имплицитная репрезентация феноменов лингвокультуры.

Эксплицитно-маркирующие китайскую лингвокультуру

Обращают на себя внимание лексические единицы, которые на орфографическом уровне представлены средствами английского языка, но при этом явно отличаются от большинства английских слов, т.е. они эксплицитно маркированы как «чужие». Эту группу образуют номинации, образованные практической транскрипцией в соответствии с правилами перекодировки системы пиньинь. Данный способ номинации способствует созданию эффекта достоверности: используя практическую транскрипцию, автор обращает внимание на специфику китайской картины мира.

Особо следует выделить передачу средствами английского языка обозначения китайского государства *Zhongguo*. В китайском языке четко различаются традиционное наименование Китая и универсальные номинации, используемые для обозначения других стран («чужих»); при

этом семантическое содержание составных частей подчеркивает четкую грань между самим Китаем и «внешним миром». Слог *Zhong* имеет значение «середина», а *guo* означает «страна», «государство». Такое наименование Китая используется с древних времен, когда еще бытовало значение «центральная территория, на которой распространялась власть императора». Слог *wai* в переводе на русский означает «внешняя часть», «чужой край».

В произведении об этом говорится следующее: “The Chinese word for China, *Zhongguo*, recognizes the distinction between China and the ‘outside’. *Zhong* means ‘middle’ and *guo* is ‘country’ or ‘kingdom’. *Wai* means ‘outside’, and is half of the word for foreign places: *waiguo*, ‘outside countries’” [11, с. 35].

Важно подчеркнуть, что ряд номинаций элементов китайской лингвокультуры является составной частью системы английского языка: они зафиксированы в англоязычном толковом словаре. Номинации такого рода образуют особую группу, группу словарных лексических единиц.

Тематически они включают следующие обозначения: *географические, историко-культурные номинации, названия артефактов традиционного быта и антропонимы*.

Интересно отметить, что при передаче названия одного из наиболее культурно-значимых артефактов «Великая китайская стена» в произведении используются разнообразные типы перекодировки, в частности, практическая транскрипция *wanli changcheng* и/или калькирование *the Great Wall* (словарная номинация).

Как нам представляется, вариант *wanli changcheng* (в переводе «великая стена в 10 тысяч ли») передает склонность представителей китайской культуры к классифицированию и счету: “A part of this system is the penchant in public culture for classification and counting” [11, с. 30], что подчеркивает важность и значимость данного культурного памятника. Важно отметить и то, что практическая транскрипция *wanli changcheng* в определенной степени передает

китайское звучание. Калькирование *the Great Wall* представляет собой традиционный способ, известный в англоязычном мире, такая форма номинации адаптирована к восприятию англоязычного читателя.

Следует подчеркнуть, что разные способы перекодировки отражают как непосредственно восприятие лингвокультуры «чужим» (автором-американкой), так и ее попытки помочь читателю проникнуть вглубь китайской лингвокультуры, ее картины мира, ее языка.

Словарные номинации, используемые в данном произведении, включают следующие тематические группы:

1) *географические номинации: Tiananmen Square, Yangtze River*

Название площади *Tiananmen Square* передается практической транскрипцией и сопровождается классификатором. В исследуемом тексте функционируют также названия рек, которые образованы по аналогичной модели: «практическая транскрипция + классификатор», например, *Yangtze River*. Классификаторы *Square, River* помогают читателю понять, к какой сфере относится та или иная номинация;

2) *историко-культурная номинация: the Forbidden City*

Калькирование *the Forbidden City* (в русском обозначении «Запретный город») на первый взгляд представляется семантически прозрачным, однако в данном случае требуется лингвокультурное пояснение, что в широком контексте представлено в анализируемом тексте;

3) *антропонимы: Deng Xiaoping, Mao primer, the Han Dynasty*.

В данной группе представлены имена известных исторических персонажей, в частности, имена правителей и политиков: *Deng Xiaoping, Mao primer*, названия династий: *the Han Dynasty* [11, с. 31].

В мемуарах Рэйчел Девоскин достоверность описания китайской действительности достигается за счет многочисленных лексических номинаций китайской лингвокультуры, которые выступают как важнейшие маркеры

«чужого». Практической транскрипцией представлен в произведении ряд номинаций, которые не зафиксированы англоязычными толковыми словарями. Нестандартная графическая форма при этом эксплицитно маркирует их принадлежность к миру китайской лингвокультуры, отличающейся особыми ассоциациями. Как отмечает А. Т., «у каждого народа существуют неповторимые ассоциации образного мышления, обусловленные особым семантическим наполнением каждого слова – культурными смыслами. Они закрепляются в языковой системе и составляют её национальную специфику» [5, с. 91].

1) *географические номинации*: названия районов (Wangfujing) [11, с. 61], городов (Shenzhen) [11, с. 31], озер (Houhai Lake) [11, с. 26] и др.

2) *историко-культурные номинации*: статуя Будды (Leshan's Giant Buddha) [11, с. 42] и пр.

3) *номинации китайского национального быта*: *bi xie* [11, с. 28], *siheyuan* [11, с. 66] и т.п. Для того чтобы значение слова *bi xie* стало понятным и доступным англоязычному реципиенту Рэйчел Девоскин вводит лингвокультурный комментарий: “Louisa wears a red padded Chinese jacket and *bi xie*, cloth shoes worn primarily by old Chinese men” (выделено нами – Н.Ю., Г.Е.) («... тряпичную обувь, которую, как правило, носят китайские мужчины»).

Для объяснения номинации *siheyuan* автор также использует описательный перевод: “... the city was like the four-box courtyard house ... It was composed of four sections”. Такой способ передачи наиболее полно отражает номинацию китайского национального быта. Лингвокультурное объяснение позволяет передать максимальный объем содержания, заключенный в лингвокультурных номинациях, особенно в тех случаях, когда в иностранном языке не существует аналога той или иной номинации.

Интересно отметить толкование названия известного американского напитка *Coca Cola* в сопоставлении с его соответствием в китайском языке *Kekou Kele*. Р. Девоскин

объясняет, что китайские слова, а нередко и отдельные слоги, содержат глубокий смысл: “Chinese *Kekou Kele* is *palatable and pleasurable*. Its homonyms suggest thirst, delight, and quenching. It's a richer word than its English original, flaunting the compressed power of the Chinese language to contain multiple meanings in single syllables, even when the syllables are foreign” [11, с. 34]. В свое время *Coca Cola* стала именем нарицательным как символ американского образа жизни, олицетворением всех молодежных ценностей. Как отмечает автор мемуаров, китайское название напитка, в отличие от английского оригинала, имеет более глубокий смысл, неся в себе такие значения, как «жажда», «наслаждение» и «прохладительный».

Смысл отдельных китайских слов можно осознать только в лингвокультурном контексте. Из анализируемого текста мемуаров мы узнаем, что в китайских многоэтажных домах вообще нет этажа с номером «четырнадцать», поскольку числительное «четыре» в китайском созвучно слову «смерть», а рядом стоящие цифры «один» и «четыре» означают надвигающуюся смерть: “One and four together suggest imminent or impending death, which is why no Chinese building has a fourteenth floor” [11, с. 86].

Интересным примером семантического расхождения отдельных китайских слов и их англоязычных соответствий, является описание китайского слова *kaifang*. Так, в китайской лингвокультуре номинация *kaifang* выражает открытость по отношению ко всему миру, актуализируется позитивная оценочность:

“*Kaifang* was the official word China used to describe its opening up to the world” [11, с. 59].

Использование номинации *kaifang* для описания американских женщин выявляет абсолютно другие смыслы и отличается негативной оценочностью: «отсутствие дисциплины, приправленное распущенными манерами»:

“Chinese thought Western women were *kaifang* ... but the word in Chinese was used to

talk about a lack of discipline, peppered with promiscuous abandon” [11, с. 59].

ИмPLICITНОЕ ОПИСАНИЕ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Помимо эксплицитной передачи элементов китайской лингвокультуры посредством практической транскрипции, регулярных словарных соответствий, комментария, автор имплицитно репрезентирует особенности китайской лингвокультуры посредством создания особого лингвокультурного контекста. Поясним данное высказывание на следующем примере:

“It featured lessons about the Three States period and the superiority of chopsticks, “delicate extensions of human fingers,” over more barbaric utensils such as forks and knives, with which less civilized people stabbed at slabs of food” [11, с. 56]. В данном контексте Рэйчел Девоскин описывает привычные в западном этикете столовые приборы как бы отстраненно, с точки зрения представителя китайской лингвокультуры: *barbaric utensils*; при этом палочки для еды представлены как “delicate extensions of human fingers” («изящное продолжение человеческих пальцев»).

Важно отметить и расхождение этикетных формулировок китайской лингвокультуры и западной. Так, при встрече китайцы в качестве приветствия спрашивают: «Ты поел?»: “*Chi fan le mei you?*” Have you eaten or not eaten? And “*Chi bao le mei you?*” Are you full or not full?” [11, с. 52]. Такая этикетная фраза подчеркивает, что китайцы придают большую важность процессу принятия пищи, как особому ритуалу.

Морфологическая вариативность

В данной части статьи представлены интересные примеры взаимодействия морфологического уровня. В китайском языке нет флексий (окончаний), так как данный язык относится к изолирующим языкам, грамматические категории в которых выражаются с помощью порядка слов и специальных частиц. Носитель английского языка при освоении китайского языка неосознанно (?) или намеренно (?) образует

множественное число китайских слов в соответствии с нормой английского языка. Рэйчел Девоскин использует английские окончания у китайских слов, написанных на пиньине.

Рассмотрим несколько примеров:

1. “I had sworn when I arrived in Beijing that I would not hire a maid, called affectionately *ayi's* or aunties ... but also came to understand that *ayis* were the only ones able to take on impossible administrative tasks...” [11, с. 89].

В приведенном примере к китайскому слову *ayi* (в переводе с китайского «няня», «служанка», «уборщица») добавлено окончание множественного числа –*s*.

2. “These included paying the phone and water bills, changing the cooking gas tank, waiting for water deliveries, and *la'ing guanxi*, or «pulling a relationship» with the landlord” [11, с. 89].

В этом примере Рэйчел Девоскин использует китайское вкрапление *la'ing guanxi*, делая акцент на том, что «поддержание отношений с домовладельцем» является непрерывным процессом и особенностью китайской культуры. С помощью окончания формы длительного времени –*ing*, удается адаптировать данную номинацию для англоязычного читателя.

3. Рассказывая про бедняка, кто за ночь стал богатым, автор мемуаров использует аналогичный прием добавления английского окончания к китайскому слову *facai*, что в переводе на русский означает «нажиться», «разбогатеть»: “There was suddenly a slang term for a peasant who *fa'cai'ed*, or made a fortune overnight” [11, с. 35].

Сравнение китайской и американской культур в произведении

Поскольку разница культур ассоциируется с национальными различиями, автор на протяжении всей книги сопоставляет китайскую и американскую культуры. В следующем примере автор мемуаров приводит сравнение между культурами в области истории этих двух стран: “... China housed the world's longest civilization, biggest population, and greatest reassures and traditions. <...> Naturally, Americans, with our meager

two-hundred-year history, wanted to enrich ourselves by catching glimpses of culture steeped in tradition ...” [11, с. 33].

Важно выделить то, что Р. Девоскин подчеркивает значимость китайской лингвокультуры, что, несомненно, благоприятно воспринимается китайцами. Она использует прилагательные в превосходной степени *longest, biggest, greatest*, чтобы охарактеризовать богатую историю Китая, в то время как для описания истории Америки она подбирает конкретную цифру *two-hundred-year* (двухсотлетняя).

“Chinese small talk is not about weather; it relies on comfortable statements of obvious facts” (DeWoskin, 2005: 87–88). В данном примере не проводится четкой параллели между особенностями непринужденной беседы в Китае и Америке. Рейчел Девоскин останавливает свое внимание только на описании беседы между представителями китайской культуры, что помогает англоязычному читателю легко сопоставить особенности поведения представителя западной и восточноазиатской культур в таких ситуациях.

Выводы:

Объем статьи не позволяет более подробно рассмотреть все интересные в лингвокультурном аспекте примеры; и мы полагаем, что представленный материал показывает, насколько важно, по возможности, сохранять лингвокультурную специфику и какие модели перекодировки на другой язык являются наиболее успешными.

В целях дальнейшего развития теории вариативности представляется необходимым экстраполировать описанные закономерности репрезентации китайских лингвокультурных феноменов средствами английского языка в мемуарах на другие жанры и другие лингвокультуры.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

Список литературы

1. Кабакчи В.В., Юзефович Н.Г. Инолингвокультурный субстрат в межкультурной коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 3. С. 95-101.
2. Колмогорова А. В., Маликова А. В. Опыт тезаурусного моделирования способов объективации интерлингвокультурной картины мира (на материале произведений русских писателей-франкофонов) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 2. С. 24-31. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-24-31
3. Огнева Е.А. Алгоритм построения когнитивной текстовой социокультурной модели // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2016. № 11. С. 49–55.
4. Радченко О.А. Лингвофилософские опыты В. Фон Гумбольдта и постгумбольдтианство // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 96-125.
5. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учебное пособие. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 184 с.
6. Юзефович Н. Г. Интерлингвокультурная картина мира в английском языке вторичной культурной ориентации (на материале описания российской действительности): Хабаровск: ДВГУ, 2013. 266 с.
7. Aixela J.F. Culture-Specific Items in Translation // Translation, Power, Subversion / R. Alvarez, M. C.-A. Vidal (Eds). Clevedon, UK: Multilingual Matters, 1996. P 52–79.
8. Bamiro E.O. Transcultural Creativity in World Englishes: Speech Events in Nigerian English literature // International Journal of Linguistics. 2011. Vol. 3. No. 1: E7. P. 1–16.
9. Bassnett S. Culture and Translation // A Companion to Translation Studies /Ed. P. Kuhiwczak, K. Littau. L.: Multilingual Matters Ltd 2007. P. 13-23.
10. Crystal D. English as a Global language. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 212 p.
11. DeWoskin R. Foreign Babes in Beijing: behind the scenes of a new China. 2005. 332 p.
12. Gupta A.F. Colonisation, migration and functions of English // Englishes around the World: General Studies, British Isles, North America Studies in Honour of Manfred Gorch. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 1997. P. 47-58.
13. Language Difference in Writing: Toward a Translingual Approach Horner B., Min-Zhan Lu, J. J. Royster, J. Trimbур // College English. 2011 January. Volume 73. No 3. P. 299-317.

14. Kachru B. *The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-native Englishness*. Oxford, 1986.

15. Kellman St. G. *Switching languages: translingual authors reflect on their craft*. London: University of Nebraska Press, 2003. 339 p.

16. Toolan M. *Recentering English: New English and Global* // *English Today*. 1997. № 13(4). P. 3-10.

17. Spooner M. *Contact Literature in English*, 2008, URL: <http://www.eric.ed.gov/PDFS/ED323552.pdf> (дата обращения 31.03.2010).

18. Svartvik J., Leech G. *English One Tongue, Many Voices*. L.: Palgrave Macmillan, 2006. 304 p.

References

1. Kabakchi, V.V. and Iuzefovich, N.G. (2007), "Foreign Culture Substratum in Cross-cultural Communication", *Issues of Cognitive Linguistics*, 3, 95-101. [in Russian].

2. Kolmogorova, A. V. and Malikova, A. V. (2017), "Experience in the Thesaurus Modeling of Ways to Objectify the Interlingual and Cultural Picture of the World (Based on the Material of Works by Russian Francophone Writers)", *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 9: 2, 24-31. doi 10.17072/2037-6681-2017-2-24-31 [in Russian].

3. Ogneva, E.A. (2016), "Algorithm of cognitive text social-cultural model constructing", *Filologicheskii aspekt: mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskii zhurnal*, 11, 49-55. [in Russian].

4. Radchenko, O.A. (2001), "Linguophilosophical experience of von Humboldt and post-Humboldt theories", *Voprosy yazykoznaniiya*, 3, 96-125. [in Russian].

5. Khrolenko, A.T. (2009), *Osnovy lingvokul'turologii: uchebnoe posobie*. [The Essentials of Linguoculturology] 5th ed., Flinta, Nauka, Moscow, Russia. [in Russian].

6. Iuzefovich, N. G. (2013), *Interlingvokul'turnaya kartina mira v angliyskom yazyke vtorichnoy kul'turnoy orientatsii (na materiale opisaniya rossiyskoy deystvitel'nosti)* [Interlinguocultural Worldview in Russia-oriented English (Based on English Description of Russia's History and Way of Life)], DVGU, Khabarovsk, Russia. [in Russian].

7. Aixela, J.F. (1996), *Culture-Specific Items in Translation*, in Alvarez, R. and Vidal M. C.-A. (eds), *Translation, Power, Subversion*, Multilingual Matters, Clevedon, UK, 52-79.

8. Bamiro, E.O. (2011), *Transcultural Creativity in World Englishes: Speech Events in Nigerian English literature*, *International Journal of Linguistics*, 3 (1: E7), 1-16.

9. Bassnett, S. (2007), *Culture and Translation in Kuhiwczak, P. and Littau K. (eds) A Companion to Translation Studies*, Multilingual Matters Ltd., L., 13-23.

10. Crystal, D. (2003), *English as a Global language*, 2nd ed., Cambridge University Press, Cambridge, UK.

11. DeWoskin, R. (2005), *Foreign Babes in Beijing: behind the scenes of a new China*, WW Norton & Co, New York, U.S.A.

12. Gupta, A.F. (1997), "Colonisation, migration and functions of English", in *Englishes around the World: General Studies, British Isles, North America Studies in Honour of Manfred Gorchach*, John Benjamins, Amsterdam/Philadelphia, 47-58.

13. Horner B., Lu, M.-Zh., Royster, J.J. and Trimbur J. (2011), "Language Difference in Writing: Toward a Translingual Approach", *College English*, January, 73 (3), 299-317.

14. Kachru, B. (1986), *The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-native Englishness*, 1st ed., Pergamon Institute of English, New York, USA.

15. Kellman, St. G. *Switching languages: translingual authors reflect on their craft*. University of Nebraska Press, London, 2003.

16. Toolan, M. (1997), "Recentering English: New English and Global", *English Today*, 13(4), 3-10.

17. Spooner, M. (1987), "Contact Literature in English" [Electronic], available at: <http://www.eric.ed.gov/PDFS/ED323552.pdf> (Accessed 33 October 2017).

18. Svartvik, J., Leech, G. (2006), *English One Tongue, Many Voices*, Palgrave Macmillan, L.

Юзефович Наталья Григорьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и МК ТОГУ.

Ефремова Галина Александровна, преподаватель кафедры лингвистики и МК ТОГУ.

Natalia G. Iuzefovich, Doctor of Philology, Assistant Professor.

Galina A. Efremova, Lecturer.

РАЗДЕЛ III. ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2017-3-4-34-42

Ahmed Alduais

**ARCHITECTURE OF INFORMATION STRUCTURE:
IMPLICATIONS FROM THE T-MODEL ON THE REALISATION
ASPECTS OF TOPIC AND FOCUS USING EXAMPLES FROM
MODERN STANDARD ARABIC, ENGLISH AND TURKISH
LANGUAGES**

Institute of International & Comparative Education,
Faculty of Education, Beijing Normal University (BNU), Beijing, P.R. China
Tel: 00-86-132-600-80-166
ibnalduais@gmail.com

Abstract. The placement of information structure seems to be controversial when approached with reference to T-model architecture of grammar and have debatable theoretical determinations. These include but not limited to: 1) the grammar of the information structure is not considered as an autonomous component; 2) how linguistically the information structure units (in various languages) could bring problems when coding units in the grammatical components; 3) the various aspects of contrastive focus and presentational focus, and how they are realised in (Standard) Arabic, English and Turkish yet (French); and 4) scrambling (free word order) and information structure relationship with illustrations from these mentioned languages.

Key words: information structure; topic; focus; universal information structure.

Information Structure

Information structure (IS) as in (Aboh, 2010; Casielles_Suarez 2004; Choi, 1997, Erteschik-Shir, 2007, Fiedler, 2010, İşsever, 2003; Komagata, 1999; Krifka, 2008; Lambrecht, 1994) or information packaging as in (Vallduvi, 1993; Vallduvi, 1996; Vallduvi, 1998) basically refers to describing a sentence and analysing it both linguistically and pragmatically (Lambrecht, 1994). It is also referred to ‘... a structuring of sentences by syntactic, prosodic, or morphological means that arises from the need to meet the communicative demands of a particular context or discourse’ (Vallduvi, 1996, p. 2). IS generally is based on the arguments positioning topic and focus and some other related terms to them (Erteschik, 2007).

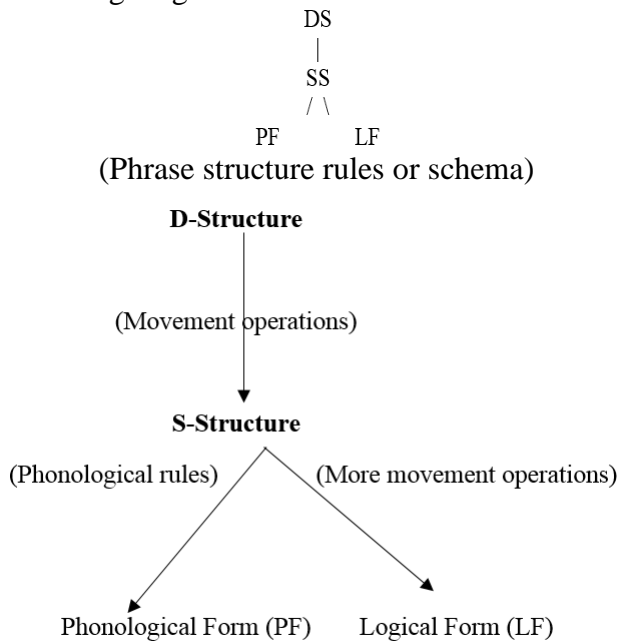
This argument within the field of IS is further enriched on assumptions with the aim of examining the system of language yet

[languages]. It is an attempt to find matching concepts to language structure i.e. word level, phrase level, sentence level, and text level. By this means, different language components need to find themselves away to interact with one another towards IS or information packaging. This last point is usually referred to the interface of language components to form IS architecture (see Vallduvi, 1993 and Erteschik, 2007). Among these arguments having been trying to build a systematised structure for IS architecture is that based on the T-model.

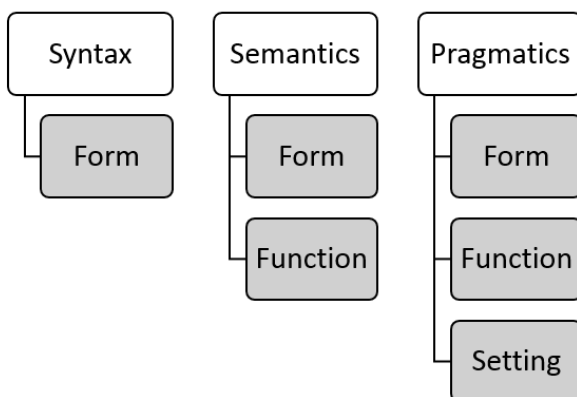
T-model

T-model was basically introduced within principles and parameters framework assuming that our linguistic competence is a complex of subsystems of principles, each with one or more parameters of variation, and grammars of particular languages are determined by fixing parameters in these subsystems (Chomsky, 1981;

Chomsky, 1986; Chomsky and Lasnik, 1993; Chomsky 1995). Within this framework, the T-model presents the general structures for such framework. The T-model is illustrated in the following diagram:

Based on this and with reference to the Government Binding theory (GB), language is represented in terms of sounds (phonology) and meaning (semantics). In other words, the representation of language is realised in terms of two forms: the phonological form PF and logical form LF (Chomsky, 1981). Of course, this model seems to be similar to that proposed by Fillmore, 1976 (see Lambrecht, 1994, p. 8).

Furthermore, it is assumed that parameters of languages are binary and the settings of these parameters are 'mutually exclusive' (Ayoun, 1998, p. 61). The major interpretation of the T-model is that '...in English, DS (°D-structure)

is generated by °rewrite rules, or is projected from the rules of °Xbar-theory, and obeys the conditions of °theta-theory and the °Extended Projection Principle. SS (°S-structure) is derived from DS by the repeated application of °affect alpha (e.g. °NP-movement and °Wh-movement), and must meet the demands of °Case theory, and possibly °Binding Theory. LF (°Logical Form) is derived from SS through the application of affect alpha (e.g. °QR, Wh-raising (°Wh-in-situ)), and is regarded as the interface with the conceptual system; possibly, LF obeys Binding Theory and is the locus of gamma-checking (°gamma-marking). °PF is derived from SS and is considered the interface with the articulatory-perceptual system. Both PF and LF are subject to the principle of °Full interpretation. The division of labour among the three syntactic levels of representation (DS, SS, LF) is subject to debate, and may vary across languages' (Chomsky, 1981; Chomsky, 1986; Chomsky and Lasnik, 1993).

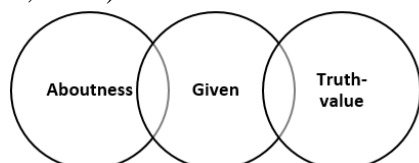
Architecture of Information Structure: Topic vs. Focus

Having this in mind, we now need to have a closer look at the nature of IS and IS architecture especially in terms of topic and focus. To start with the topic, it has been worded differently by difference linguists and researchers. For instance, Gabelentz (1869) in Krifka (2008) refers to topic and comment as 'the object which the speaker is thinking about' for the former and 'what the speaker is thinking about it' for the latter. Another definition is that 'topic is what the sentence is about' (Gundel and Fretheim, 2004, p. 176). Moreover, it is introduced in terms of topicalisation where in different types of topics occur (see table below).

Topic	Conditions
Stage topics	Hearer and speaker interaction
Permanent and temporary fixtures	Fixed topics
Temporarily available topics	Current scenes
Truth values	Intuition-based topics
	Subject position
	Pronouns
Indefinite DPs	Specific
	Contrastive
	Partitive
Definite DPs	Generally topics

Within this framework, a distinction is also made between old and given information where

the former refers to the referent in the conversation and the latter refers to the referent in the mind. By all means, topics must be given (see Erteschik, 2007). However, what could be a topic and could not be a topic is widely argued be it within a certain language or languages. Many models have been proposed accounting for this argumentative area including the T-model. Also consider that of Strawson-Reinhart (see Erteschik, 2007):

Besides, previous research assumes that if pronouns as mentioned above are topics the multiple topics are possible (see Erteschik, 2007; Krifka, 2008; Lambrecht, 1994). To sum up, what could be a topic and could not be seems to be very arguable though a number of generalisations have been reached! Among these that 1) the topic is contextually determined, 2) scopal relations are context-dependent, 3) sentence contextualisation eliminates scopal ambiguity, and 4) topicalisation is not a uniform phenomenon across languages where topic prominent languages are available: Catalan, subject prominent languages: English and Topic and subject prominent languages: Danish (summarised from see Erteschik, 2007). Now consider these examples for topics where the same topics are shared in the three mentioned languages:

Language	Example
English	How are you? I am <u>fine</u> .
Turkish	Nasılsın? İyiyim.
Arabic (standard)	كيف حالك؟ بخير.
English	It is dark. <u>The moon</u> has disappeared.
Turkish	Karanlık. <u>Ay</u> kayboldu.
Arabic (standard)	أنها مظلمة. القمر يوشك أن يختفي.
English	<u>That chair</u> .
Turkish	<u>O koltuk</u> .
Arabic (standard)	ذاك الكرسي.
English	<u>Two students</u> are intelligent.
Turkish	<u>iki öğrenci</u> zekidir.
Arabic (standard)	طالبان ذكيان طالبان ذكيان

The same argument applies to focus as well! Focus is generally referred to 'what is predicated about' (Gundel and Fretheim, 2004, p. 176). The

focus is also introduced as 'non-presupposed information in the sentence' according to Chomsky, Jackendoff and Lambrecht in (Erteschik, 2007, p. 27). Again, focus is being introduced first in terms of the T-model where the focus is derived based on segmental and/or suprasegmental features of speech PF, semantically LF, syntactically, or pragmatically. Consider also the following examples for focus:

Language	Example
English	Sara left the book on the <u>desk</u> .
Turkish	Sara kitabı masaya <u>birakti</u> .
Arabic (standard)	تركت سارة الكتاب على <u>المائدة</u> .

T-model and Information Structure

For now we have introduced IS, topic, focus, and the T-model's nature. Our purpose to view the T-model in relation to IS architecture. In other words, in order to build an IS architecture language elements have to be presented with reference to grammars i.e. T-model. The impact of each component in the T-model on IS must be examined. We need input in order to reach some findings about IS architecture. This input includes sentence structure, and word order. That is to say, we can generalise the concepts of IS but we have to investigate each individually for each language where terms like topicalisation (the possibility to change position of the words without affecting meaning [free word order], topic (a previous piece of information stated by the speaker delivered to the listener). Additionally, the view that topic (old information) and focus (new information) are both intricately related to form IS architecture. The speaker and the hearer presupposition and the topic and focus are entirely effected by text/context. With the T-model's operational criteria we can introduce the basic terms of IS being supported with grammatical terms. We need features that allow us to decide what could be the topic and what could be the focus where at least one of these features for each must be unique. Consider the following example for focus projecting among Arabic, English and Turkish languages:

Language	Example
English	Lara read a book.
Turkish	Lara bir kitabı okudu.
Arabic (standard)	قرأت لارا كتاباً

Lara read a book_f.
 *Lara a book read.
 *Read a book Lara.
 Lara bir kitabı_f okudu.
 Lara kitabı_f okudu.
 Lara kitap_f okudu.
 Bir kitabı_f, Lara okudu.
 قرأت لارا كتاباً.
 لارا قرأت كتاباً.
 كتاباً, قرأت لارا.

Now going back to the T-model illustrated in the two diagrams above, we can see that while the PF and LF are integrating and interacting with the syntactic component; the PF is not interacting with the LF and vice versa! This is by itself is the first problems as we have already mentioned while accounting for topic and focus that IS is naturally more than PF and LF yet the interaction and/or interface of such components is highly required. The following tables is a summary for the T-model major problems mainly in relation to violating the inclusiveness feature and approaches which attempted topic and focus interaction based on this model:

Approach	Minus point
1) Assign focus based on stress	Topic assignment is lacking Topic and focus interaction is lacking
2) Word order alternations	Explanation of topic of focus relationship is lacking
3) Movement is triggered by obligatory feature checking	IS has optionality movement triggered by IS
4) Chomsky introduced INT and INT'	Indirectly equal to topic and focus Topic and focus interaction is lacking
5) Stylistic component Holmberg, 1999 in (Erteschik, 2007)	Phonology based-view
6) Kidwai, 1999 in (Erteschik, 2007) PF an UG integration assuming that focus is phonology an discourse-based	Topic issue is lacking
7) Σ - structure (a derived phrase), and γ - structure (p- movement) Zubizaretta, 1998 in (Erteschik, 2007)	Such forms are neither PF nor LF; hierarchical structures
8) Neeleman and Reinhart's scrambling model in (Erteschik, 2007)	Syntax must proceed PF but they introduced PF over syntax
9) Distributed morphology theory Halle and Marantz (1993)	It gives more focus to morphology

To conclude, we can see that the interaction of both the PF and the LF is highly required in

order to achieve IS architecture and avoid the violation of IS features i.e. inclusiveness and/or interaction of topic and focus. By this means, the T-model doesn't really yet fully introduce a perfect model for the IS architecture. This model was further modified and enhanced by different minor models.

Focus: Language-based realisation

Both focus and topic are introduced as the major issue of IS. In the first question, we introduced them both and our reference to the focus was as the 'complement of topic' and the part which presents 'new information', 'new knowledge', and/or 'pragmatic insertion' (Lambrecht, 1994, p. 206). Krifka uses the definition that focus 'indicates the presentence of alternatives that are relevant for the interpretation of linguistic expressions' (2008). From a semantic perspective, it is defined as the 'non-presupposed information in the sentence' as in (Erteschik, 2007, p. 27). Now, consider the following examples for focus in Arabic, English and Turkish languages:

Language	Example
English	Dana lives in [Ankara _F].
Turkish	Dana [Ankara _F]'da yaşıyor.
Arabic (standard)	تعيش دانا في أنقرة.

Actually many types of focus have been introduced by different linguists and researchers i.e. expression focus and denotation focus (Krifka, 2008), contrastive and information focuses (Erteschik, 2007), contrastive focus and identificational focus (Szendroi, 2004), information focus (presentational focus) and contrastive focus (identificational focus) (Aboh, Corver, Dyakonova and van Koppen, 2010), contrastive-focus and presentational-focus (Işsever, 2003), narrow focus, constituent focus and contrastive focus (Vallduvi, 1993), completive focus and contrastive focus (Choi, 1997), etc.. Thus, our discussion below will be focused on two types of focus and we will refer to them as contrastive focus and presentational focus with examples in different languages. Our presented discussion will be based on the above presented sources.

Gondel and Fretheim state 'both information focus and contrastive focus are coded by some type of linguistic prominence across languages, a fact that no doubt has contributed to a blurring of the distinction between these two categories' (2004, p. 181). In these two examples, the pitch or say the suprasegmental features of speech are controlling the distinction between contrastive focus and presentational focus.

Who made all this great food?

[SARA] _{presentational focus} made the [FOOD] _{contrastive focus}.

The syntactic marking can also play role in the distinction between contrastive and presentational focuses (see Gondel and Fretheim, 2004). Consider the following example:

Which book do you want to read?

[That one] _{contrastive focus} on the desk.

I want to read [that book] _{presentational focus} on the desk.

Choi claims 'the regular, pure new information type of focus [is] completive focus and the alternative set evoking focus [is] contrastive focus [and] the distinctive feature between [them] is discourse prominence' (1997, p. 5). Consider the following example:

Do you want the red pen or the black pen?

I want the [RED PEN]. (Selecting)

Since Sara packed her clothes, study materials and Laptop, she will leave.

No, she just packed her [CLOTHES]. (Restricting)

Since Sam is watching a movie, so he will be happy.

No, he is not just watching a movie, he is also having [PIZZA]. (Expanding)

Sara is SINGLE but Laura is MARRIED. (Parallel)

He named his baby [SAM] _{presentational focus}.

[SAM] _{contrastive focus} he named his baby.

Göksel and Ozsoy in their study attempted to distinguish between sentential stress and focus stress in Turkish with an account to contrastive focus. The following example is quoted from this study; The second example (b) according to the researchers is an example of contrastive focus for Turkish.

a. Ev-e GİT-me-di-m.
home-DAT go-NEG-PAST-1
I diidn't go home.

b. EV-E git-me-di-m.
home-DAT go-NEG-PAST-1
I didn't go HOME.

c. EV-E git-ti-m.
home-DAT go-past-1
I went HOME/home.

At the same sense, İşsever (2003) proposes that 'the word order–prosody interface reveals that presentational-focus and contrastive-focus are two distinct phenomena in Turkish, which are marked by different focusing strategies, i.e. syntactic and prosodic' (p. 1025). The author presents also that while the completive focus does not allow scrambling of focus element the contrastive focus does.

On the other hand, as in (Aboh, Corver, Dyakonova and van Koppen, 2010) the presentational focus 'can pragmatically be defined as new, non-presupposed information, [and the contrastive focus] can informally be characterized as evoking a suitable "subset of the set of contextually or situationally given elements for which the predicate phrase can potentially hold' (p. 785). Examples from different language were presented e.g. Italian, Polish, Turkish, English, etc. and the authors conclude that 'both information focus and contrastive focus are attested within the nominal domain ... the noun phrase, just like the sentence, may be interpreted as a syntactic domain in which information structure is active' (ibid, p. 788).

Italian: Ia casa SUA, non tua. (The house is hers, not yours.) [Pragmatic effect and focalization)

Polish: piękne kobiety (beautiful woman/ a beautiful woman) [Pragmatic effect]

Turkish: BİR büyük ev/ (one bige house, a big house) büyük BİR ev/ (big a house, a BIG house) (Word order effect)

Arabic: واحداً كتاباً / كتاباً (ketaban [a book] ketaban waehdan [one book] (Syntactic effect)

Also Szendroi accounted for focus types including the contrastive and informational/presentational ones. Her approach was based on the interface approach where phonological aspects, morphological aspects, semantic aspects, syntactic aspects pragmatic aspects are integrated. Consider the following examples. This [*] means that such structures are ill-structured even if they are acceptable following

the transformational generative grammar (TGG). The only possible mean towards transferring these hidden information is using the suprasegmental features of speech while communicating orally where the voice will go up/down or a certain word will be emphasised to reflect whether a certain piece of information is being given (presentational/ contrastive). The discourse component will also help supporting this packing and communication between the listener the speaker. Erteschik-Shir also proposes that 'the contrastive focus which relates to a contextual context set is more topical than the informational focus which has no such contextual relation. Here again [old] precedes [new]' (2007, p. 98).

What did you do?

English: I did the [HOMEWORK].

*[HOMEWORK] I did.

Arabic: كتبت الواجب. الواجب كتبت.

Turkish: ÖDEVİ yaptım. ÖDEV yaptım.

*Yaptım, ÖDEVİ. *Yaptım, ÖDEV.

In addition to what have been mentioned above, Erteschik-Shir (2007) introduces the contrastive focus as that which 'focuses one element of the contrast set and eliminates the other alternatives [and] ranges over contextually restricted sets... [it is] referred to as "narrow," "exhaustive," or "exclusive" foci' (p. 29). Comparatively, the presentational focus or the 'noncontrastive foci are referred to as informational foci or presentational foci (when they occur in existentials)' (ibid). In this regard Choi (1997) presented the following IS features where both the contrastive and presentational focuses are included:

	+Prom	–Prom
– New	Topic	Tail
+New	Contrastive Focus	Completive Focus

To all intents and purposes, we have seen that the contrastive focus is entirely different

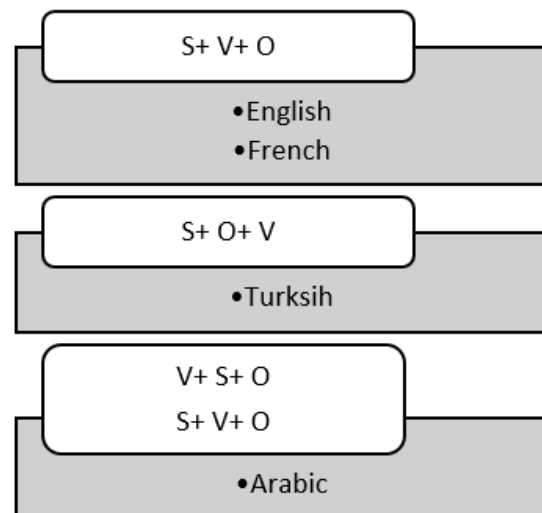
from the presentational focus on the basis of phonological features, semantic features, morphological features, syntactic features, pragmatic features and/or even discourse features. Besides and as we have illustrated above the effect of these features could be interchangeable according to the type of language and its linguistic system.

Scrambling

We have already introduced IS above and more importantly we referred to IS as the output resulting from the interface among language components i.e. PF, LF, etc. This interface which is guided and governed by certain parameters derived from different theories could be phonological, syntactic, morphological, semantic, pragmatic, etc. Among these effects which directly affect the formation and structure of IS is scrambling.

Essentially and according to Erteschik-Shir (2007), scrambling is a term which has been used first by Ross (1967) as ‘a stylistic rule’ but was defined by Bailyn as ‘a general cover term for the process that derives non-canonical word order patterns in so called ‘free word order language’ such as Japanese, Russian, German, Hindi and many others... [where] constituents can appear in a variety of surface orders without changing the core meaning of the sentence’ Bailyn 2002 in Erteschik-Shir (2007, p. 124). Besides yet when compared to topicalisation scrambling is characterised by ‘that it is not necessarily restricted to root clauses, yet it is not always easy to tease apart particular cases in which an element is “scrambled” to the left periphery’ (ibid, p. 125).

Needless to consider the fact this argument of scrambling and its effect on IS is mainly based on the view of sentence structure where in languages are described in terms of the order of the sentence elements and the flexibility of such elements to be moved without affecting the core meaning of the sentence. The following structures are usually the basic formation of discussing scrambling in relation to IS:

Consider the following examples for such structures:

English: [Ahmed]^S [read]^V a [book]^O.

French: [Ahmed]^S [lire]^V un [livre]^O.

Turkish: [Ahmed]^S bir [kitap]^O [okudu]^V.

Arabic: . [أحمد]^S [قرأ]^V [كتاباً]^O .
[أحمد]^S [قرأ]^V [كتاباً]^O .

Actually, scrambling can take different movements e.g. object shift, clause bound scrambling and long distance scrambling. A different classification is brought by Komagata (1999) who proposes that scrambling ‘is often classified as local (clause-bounded) and long-distance (unbounded) varieties states’ (p. 123). He also goes on stating that ‘languages like German and Turkish are known for their extremely flexible word order’ (ibid, p. 100). The author presented this structure:

$(NP_1:::NP_m)_{scrambled} V_m...V_1$

Consider the following examples for local and long distance scrambling in Japanese quoted from (Komagata (1999).

[Naomi-ni Ken-ga ageta] mono-wa banana-da.

Naomi-DAT Ken-NOM gave thing-TOP banana-COP (scrambled)

“The thing which Ken gave to Naomi was banana.”

Bananai-wa Naomi-ga [Erika-ga ti tabeta] - to omotta.

banana-TOP Naomi-NOM Erika-NOM ate - COMP thought (fronted)

“The banana, Naomi thought Erika ate.”

In regard to the interaction and effect of scrambling on IS, Choi (1997) proposes that scrambling ‘is motivated by IS’ and has the following ‘ground elements’ (p. 1037): 1) ground elements, both topic and tail, can scramble and 2) topic more easily scrambles than tail. (ibid). Furthermore and in support of the scrambling phenomenon and its effect on IS mainly the focus, İşsever (2003) adopts Choi’s parameters in regard to scrambling where the former assumes that scrambling of focus elements is not possible in the completive focus but it is possible in the contrastive focus. According to the author, such parameter or say [generalisations] are supported by the structure of Turkish. See also İşsever (2006) who argues against the view that ‘non-Case-marked and/or [-specific] NPs cannot be scrambled in Turkish’ concluding that this seems to be possible stating that such NPs are ‘free to scramble into the post-verbal field when they have Topic-features’ (p. 42).

Moreover, Erteschik-Shir (2007) includes Russian language among the free word order languages clarifying the effect of scrambling on IS. She declares, ‘Russian is known to be non-configurational, with few restrictions, if any on word order’ (p. 125). The following six orders are possible in Russian according to van Gelderen (2003, p. 35):

1. Ivan kupil knigu
Ivan.NOM bought book.ACC
2. Ivan knigu kupil
Ivan book bought
3. Knigu Ivan kupil
book Ivan bought
4. Knigu kupil Ivan
book bought Ivan
5. Kupil Ivan knigu
bought Ivan book
6. Kupil knigu Ivan
bought book Ivan
“Ivan bought the/a book”

Above all, Van Gelderen (2003) emphasises that ‘scrambling as movement driven by IS’ (p. 104). Erteschik-Shir (2007) quotes that van Gelderen concludes ‘the orders SOV, SVO, and O, VS ...are therefore accounted for by “normal”

syntactic means[and] the other three orders ... are a result of linearization at PF according to IS requirements’ (p. 129). Therefore, Russian which allows such different scrambling for its rich structure of morphology; Japanese which is also a scrambled language does not have this flexibility and allowance of early spell out due to that fact that ‘it is rigidly a verb-final language and early spell-out would predict word orders in which the verb would not remain in final position’ van Gelderen in Erteschik-Shir (2007, p. 131).

Conclusion

In conclusion, we could clearly assume that scrambling as a linguistic and more specifically syntactic phenomenon (affected by morphology) greatly interact with IS especially when accounting for topic and focus issues. The focus location in particular can be rule-governed with the support of the scrambling parameters. This effect is no doubt more common and operational in languages of free word order e.g. Russian, German, Arabic, Japanese, Turkish, etc.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

References

1. Aboh, E.O., Corver, N., Dyakonova, M. and van Koppen, M., (2010). DP-internal information structure: Some introductory remarks. *Lingua*, 120(4), pp.782-801.
2. Ayoun, D., (1998). Revisiting traditional assumptions in principles-and-parameters theory. *Arizona Working Papers in Second Language Acquisition and Teaching* 6: 61-79.
3. Caselles-Suárez, E., (2004). *The syntax-information structure interface: Evidence from Spanish and English*. Routledge.
4. Choi, H.W., (1997). Information structure, phrase structure, and their interface. In *On-line Proceedings of the LFG97 Conference*.
5. Chomsky, N., (1981). Lectures on government and binding. *Dordrecht: Foris*.
6. Chomsky, N., (1986). *Knowledge of language: Its nature, origin, and use*. Greenwood Publishing Group.

7. Chomsky, N., (1995). The minimalist program. *Cambridge*.
8. Chomsky, N. and Lasnik, H., (1993). The theory of principles and parameters. *Syntax: An international handbook of contemporary research*, ed. by Joachim Jacobs, Arnim von Stechow, Wolfgang Sternefeld, and Theo Vennemann, 506–69.
9. Erteschik-Shir, N., (2007). *Information structure: The syntax-discourse interface* (Vol. 3). Oxford University Press.
10. Fiedler, I. and Schwarz, A. eds., (2010). *The expression of information structure: A documentation of its diversity across Africa* (Vol. 91). John Benjamins Publishing.
11. Göksel, A. and Özsoy, S., (2000). Is there a focus position in Turkish. *Studies on Turkish and Turkic languages*, pp.219-228.
12. Gundel, J.K. and Fretheim, T., (2004). Topic and Focus. *The Handbook of Pragmatics*. Blackwell Publishing, pp.173-196.
13. Halle, M. and Marantz, A., (1993). Distributed morphology and the pieces of inflection.
14. İşsever, S., (2003). Information structure in Turkish: the word order–prosody interface. *Lingua*, 113(11), pp.1025-1053.
15. İşsever, S., (2006). Türkçede takısız nesne adöbekleri ve çalkalama. *Dil Dergisi*, 131, 42-56.
16. Komagata, N.N., (1999). A computational analysis of information structure using parallel expository texts in English and Japanese.
17. Krifka, M., (2008). Basic notions of information structure. *Acta Linguistica Hungarica*, 55(3-4), pp.243-276.
18. Lambrecht, K., (1994). *Information structure and sentence form*. Cambridge (Mas): Cambridge UP.
19. Leafgren, J., (2002). *Degrees of explicitness: Information structure and the packaging of Bulgarian subjects and objects* (Vol. 102). John Benjamins Publishing.
20. Luis, L., (2009). *A Derivational Syntax for Information Structure*. Oxford University Press.
21. Mereu, L. ed., (2009). *Information structure and its interfaces* (Vol. 19). Walter de Gruyter.
22. Owens, J. and Elgibali, A. eds., (2013). *Information structure in spoken Arabic*. Routledge.
23. Schwabe, K. and Winkler, S. eds., (2007). *On information structure, meaning and form: generalizations across languages* (Vol. 100). John Benjamins Publishing.
24. Steedman, M., (2000). Information structure and the syntax-phonology interface. *Linguistic inquiry*, 31(4), pp.649-689.
25. Sudhoff, S., (2010). *Focus particles in German: syntax, prosody, and information structure* (Vol. 151). John Benjamins Publishing.
26. Szendrői, K., (2004). Focus and the interaction between syntax and pragmatics. *Lingua*, 114(3), pp.229-254.
27. Vallduví, E., (1993). The informational component. *IRCS Technical Reports Series*, p.188.
28. Vallduví, E. and Engdahl, E., (1996). The linguistic realization of information packaging. *Linguistics*, 34(3), pp.459-520.
29. Vallduví, E. and Vilkuna, M., (1998). On rheme and kontrast. *Syntax and semantics*, pp.79-108.
30. Van Gelderen, V., (2003). *Scrambling unscrambled*. Netherlands Graduate School of Linguistics.

Ahmed Alduais, Institute of International & Comparative Education, Faculty of Education, Beijing Normal University (BNU).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
РАЗДЕЛ IV. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2017-3-4-43-48

Dr. Sana' Mahmoud
Jarrar

ELIF SHAFAK'S *FORTY RULES OF LOVE* PRESENTS THE
SOLUTION TO COMBAT TERRORISM

Department of the English Language
Faculty of Educational Sciences and Arts/UNRWA
Amman, Jordan
P. O. Box: 541216
Postal Code: Abu-Nsair, 11937
Jr-sanaa@yahoo.com

Abstract. In Elif Shafak's *Forty Rules of Love*, the writer delivers the message that Sufism, which is based on accepting variance and pluralism, is the key to terminate the continuing ideological and religious clashes. In order to combat the increasing hazard of religious extremism, sectarianism, and dogmatism that are the main causes of terrorism, there is a terrible need to find a way of life which operates on the basis of inclusion and shuns exclusion. Shafak believes that Sufism provides such a way of life. The novel calls people to embrace the religion of God's love rather than any other dogmatic religion. The novel calls for love, tolerance, patience, and many other tenets that the human being should follow in order to lead a happy life. In this novel, Sufism is not presented as a theoretical and hypothetic instruction. Instead, it is vigorous, breathing, and transmitting a placid energy that can obstruct terrorism. The novel delivers the message that there is a discrepancy between spirituality and religion. Shafak's alluring, touching, and impactful novel sagaciously invigorates the visions of Shams and Rumi, and bravely elucidates the variances between religion and spirituality.

Key words: Sufism; Terrorism; Love; Shams of Tabriz; Al Rumi.

Introduction:

Shafak's exquisite Sufi novel, *The Forty Rules of Love*, revolves around love but in a spiritual way. The novel makes the reader soar high in a spiritual realm far away from the materialism in which the whole world is obsessed. So, how much we need to read such a novel during the contemporary time. Recently, the main image of Islam in the minds of many occidentals has been loaded with brutality and veiled with dread. This is the Islam of a fundamentalist extremity; it is the Islam of the current time. And that is why some bemoan the deterioration of another peaceful and more tolerant Islam. The novel calls for the practice of

Sufism, a spiritualism that focuses on the mystical affinity between the individual and God. Sufism's ideology is egalitarian, philanthropic and peace-loving. Defying axioms of the fundamentalist Islamic east and the entrepreneurial Judeo-Christian west, the novel presents Sufism as a realm of spirituality which can permeate the vacuum at the heart of both and hinder vandalism.

In this euphonious, ebullient novel, Shafak discloses two alluring parallel stories – one contemporaneous and the other set in the thirteenth century. The novel unfolds in two parallel timelines. The first timeline shows Ella's, a forty-year old American woman,

monotonous life with her children and husband, David, who is a successful dentist. The second timeline stretched over the period of the thirteenth century. This line presents the story of the odd meeting between Jalal Ad-Din Al Rumi and Shams of Tabriz. This line also unfolds the consecutive gusty events that ended in the murder of Shams of Tabriz and the transformation of Al Rumi into the best Sufi poet in the history of Islam. Then the two timelines cross each other; the two centuries intersect each other as the life of Al Tabrizi has changed Ella from being a normal passive woman into a passionate lover willing to sacrifice everything for the sake of love. The novel moves between those two eras through consecutive chapters that bear the names of different characters during each era. The novel is narrated from different perspectives of different narrators, and that facilitates the movement of the novel between the two eras in a smooth way. The novel constructs one bond between the two eras that is the novel of *Sweet Blasphemy* written by Aziz Zahara. This novel is written by a contemporary Sufi about Al Tabrizi and Al Rumi, and then it is sent to Ella to recommend publishing it or not.

Throughout the novel, the author confirms that the twenty first century is not different from the thirteenth century. In fact, both centuries witnessed religious conflicts, cultural misunderstanding, insecurity, and fear. Accordingly, the need for love during both times is stronger than any other time:

In many ways the twenty-first century is not that different from the thirteenth century. Both will be recorded in history as times of unprecedented religious clashes, cultural misunderstandings, and a general sense of insecurity and fear of the other. At times like these, the need for love is greater than ever [Shafak, 2010, p.17].

A reverse-ideological reaction to nullify and counteract terrorism has become a popular theme during the contemporary time. It is broadly believed that ideology is the principal motivating force behind the prevalent wave of terrorism. In fact, it is believed that terrorism has its roots in a specific extremist version of religion. Therefore,

advocacy of a moderate and peaceful version of religion is important to defuse terrorism at its roots. Shafak finds Sufism as the best model of a moderate and peaceful version of religion.

Main Text

The Forty Rules of Love consists of two narratives that occur in two different timelines separated by eight centuries. The first narrative unfolds the story of Shams of Tabriz, who could change a Sufi person like Al Rumi to become a poet. The Eloquent preacher and Jurisprudent Al Rumi that preoccupied people's minds in the thirteenth century, the century of sectarian and religious conflicts, was transformed into a love propagandist who took off his religious cloak while summoning to the unity of religions and the preference of God's love over than any other pleasure of life. In 1244, Al Rumi met Shams of Tabriz, and that meeting changed the life of each one of them. After that meeting, Al Rumi was transformed from being a man of religion into a poet simmering with emotions and calling for love. According to Shams of Tabriz, "Yes, Rumi is right. He is neither of the East nor of the West. He belongs in the Kingdom of Love. He belongs to the Beloved" [Shafak, 2010, p.121]. So, he shackled all the restraints and the traditional rules. In his journey, Shams of Tabriz rediscovered the path to faith in its purest and simplest form. Along with Al Rumi, Shams of Tabriz used love as a method to get faith.

Another story appears to change the life of its heroine. This is the story about the forty-year old Jewish woman, Ella, who suffers from the boredom and routine of her familial life. However, after reading Zahara's *Sweet Blasphemy* that is about the story of Shams of Tabriz and Al Rumi, her life is transformed from being a stagnant lake into a choppy sea. Since then, she has started to review her familial life and abandoned everything to reach to the author. After being introduced to him via an e-mail, she finds in him sincerity, purity, and resemblance to his forefather, Shams of Tabriz, who provoked hustle wherever he went. Along with Zahara, Ella discovers that Shams of Tabriz has not died for 800 years, and his controversial character is repeated throughout centuries. For example, the

Dutch Zahara, who converts to Islam, resembles Shams of Tabriz in his wisdom and philosophy.

This novel is like a spiritual meal to the contemporary society that is alienated from spiritualities. The novel provides spiritual doses that the Jewish heroine injects into her deadly veins. These doses are represented as forty rules of love that appear throughout the novel. The forty rules sneak into the body of the novel, and they appear as an isthmus to cross over the worldly pleasures and lusts to get divine love. The forty rules constitute an attempt to renovate our contemporary false world that is characterized by rigorous conflicts and intolerance. The novel is an invitation for a collective universal spirituality that can eliminate the differences among people through internal Jihad or self-jihad as Al Rumi prescribed 800 years ago. *The Forty Rules of Love* invites societies prevailed with hatred and extremism to embrace God's love. The novel moves beyond religious sectarianism that is prevailing everywhere nowadays. For example, Shams of Tabriz got married to the Christian Kaira, and his former wife, Jawhar, was Baha'i. He was not concerned whether the religions of his wives are similar to his religion or not as he believed that the Beloved God is one. Similarly, the Jewish Ella gets in a relationship with a Christian man who converts to Islam later. So, she challenges the strict restrictions of her Jewish religion that prevents the Jewish from getting into relationships with others from different religions. Sufism accepts others and makes love the core of its philosophy. According to Seyyed Nasr, "In Sufism the highest form of worship is knowledge of God, which is always combined with love" [2007, p. 18]. Sufism accepts the Christian, the Jewish, and the Muslim as the mission of the Sufi is to communicate with all and create a love relationship with the all. John Trimmingham says that "Sufis are the people who represent Islam with peace and love in every region of the world. Sufi saints have played a significant role in the preaching of Islam" [1998, p.21].

Shafak tries to draw attention to the similarity between what happened in the thirteenth century and what is happening in the twenty first century. In the thirteenth century,

wars sparked for racial, religious, and political reasons. In addition, religion succumbed under theocratic authorities and unilateral interpretations that took it away from its main role in creating a harmonious world. It is as if Shafak's *Forty Rules of love* suggests a spiritual solution for the world's rising crises that put humanity on the verge of collapse. The novel is an invitation to rescue religion from extremism and ignorance that might lead to terrorism. Shams of Tabriz invited people during a century of conflicts for love, opening the door for the love of all people with no exceptions. How much we need this kind of invitation nowadays to purify the universe from any religious, racial or sectarian discrimination. This novel has a philosophical orientation that is very devious and vicious. That orientation revolves around the unity of religions, unity of being, and divine love far away from sectarianism.

The novel demonstrates that human's divine love can defeat sectarianism and terrorism. The novel invites for the love of God and the melting with His essence since that is what can unite all people according to the Sufi philosophy. The unity of existence and religions appears in the fourth rule:

You can study God through everything and everyone in the universe, because God is not confined in a mosque, synagogue, or church. But if you are still in need of knowing where exactly His abode s, there is only one place to look for Him: in the heart of a true lover. There is no one who has lived after seeing Him, just like there is no one who has died after seeing Him. Whoever finds Him will remain with Him forever [Shafak, 2010, p.43].

In a century in which intolerance and religious conflicts prevailed, Shams of Tabriz called all people from different backgrounds and religions to love God and love each other. *The Forty Rules of Love* starts with: "How we see God is a direct reflection of how we see ourselves. If God brings to mind mostly fear and blame, it means there is too much fear and blame welled inside us. If we see God as full of love and compassion, so are we" [Shafak, 2010, 28].

Sufis expect that loving God results in the love of God's creatures. According to the Sufi poet Yunus Emre, "We love the created for the Creator's sake" [Talat Sait, 1993, p.55]. Love is a central doctrine for Sufis. They dismantle all disjunctions among different faiths and announce love of all human beings as the foundation of their ideology [Al-Hujwiri, 1971, pp.288-297].

The Forty Rules of Love is a kind of detachment from reality and getting solitude in a spiritual world. The novel elevates the reader to the sphere of divine passion that pours out spiritual waves. Who reads the title of the novel for the first time thinks that it is about a worldly kind of a man's love for a woman. However, the title of the novel indicates another kind of a spiritual love through dismissing worldly pleasures and temptations for the sake of the Holy God. Instead of calling for Jihad or fighting against infidels as what is happening nowadays, the novel calls for internal struggle or self-jihad against temptations and lusts. This journey is essentially a combat against all human weaknesses. The Quran describes the human soul (nafs), which is tempted to evil, as one such weakness. This strife lasts throughout every one's life. This is what happens even with those who have reached the uppermost level of faith.

No novel has acquired the attention and success as *The Forty Rules of Love* has acquired. This is could be due to its portrayal of one of the most important aspects of Islamic history that is Sufism. The novel portrays Sufism with its spiritual dimensions and its humane depth that is based on freeing oneself from the talons of materialism, life burdens, and societal constrictions. Instead, it calls for delving deeply into the self and instilling love and tolerance into it. Oscillating between the past and the present through two different timeline stories, the novel concentrates on the concept of love in its absolute form. Annemarie Schimmel says:

The messages of the Sufis are universal and they illumine the mind and soul. They love every one without any discrimination. People faith on them because they are the part of Islam and they have great contribution in the preaching of teachings of

Islam. Sufi philosophy is based upon universal love and brotherhood. [1975, p.40]

In its historical and contemporary dimensions, the novel calls for absorbing the anger of others, renouncing violence that arises from religious and social clashes, and embracing tolerance. So, the novel generates forty spiritual rules about love far away from prejudice, cruelty, and absolute preconceptions that do not take into consideration the human's spirit that is created on the basis of goodness, love and purity.

The author succeeds in connecting the contemporary reader with Sufism whose core is based on the fact that God is very near to the extent that we can see Him in our hearts and souls, enlightening our roads with love, peace, and goodness. The author tries to explain that evilness, terrorism, and intolerance are generated by those who discern religion from a closed point of view. The extremist always collides with those with different beliefs and religions, but Shafak believes that

Sufis do not go to extremes. A Sufi always remains mild and moderate (...) though she was by no means an atheist and enjoyed performing a few rituals every now and then, Ella believed that the major problem consuming the world today, just as in the past, was religion. With their unparalleled arrogance and self-proclaimed belief in the supremacy of their ways, religious people got on her nerves. Fanatics of all religions were bad and unbearable, but deep inside she thought that fanatics of Islam were the worst. [Shafak, 2010, pp.102-106].

The novel invites to fight terrorism through Sufism and through the dissemination of moderation, plurality, and diversity. Stephen Schwartz has written that: "Sufis seek mutual civility, interaction, cooperation between every human being" [2008, p.14]. The goal of the author is to clarify that what we experience as terrorism and extremism is produced by Muslims who misunderstood Islam, and the solution for all that resides in understanding the essence of

Islam that is based on peace and the acceptance of others:

A committed pacifist with strong humanitarian views, Aziz believed that all religious wars were in essence a “linguistic problem.” Language, he said, did more to hide than reveal the Truth, and as a result people constantly misunderstood and misjudged one another. In a world beset with mistranslations, there was no use in being resolute about any topic, because it might as well be that even our strongest convictions were caused by a simple misunderstanding. In general, one shouldn't be too rigid about anything because to live meant to constantly shift colors. [Shafak, 2010, p.106].

Conclusion:

Sufism is a part of Islam, and it is defined as “the inner mystical dimension of Islam” [Frembgen, 2008, p.17]. By applying the principles of Sufi Islam, we can conveniently eliminate the challenges of braking sectarianism, fractionalism, and extremism that cherish terrorism in the East & the West. Carl Ernst believes that the western scholars have been considering *Sufism* as a peaceful alternative to a more violent Islamic fundamentalism. In the contemporary world of bedlam, man is slid towards animosity, antipathy, malice and hatred, and all that leads to terrorism. The need of the hour is to apply Sufism that is based on tolerance, mercy and love of all mankind without the partiality of race, faith and creed. Sufism does not believe in factious thrusts; it prefers solidarity and harmony amongst human beings without any distinction. For Sufis, love of humanity is founded on the tenets of reverence, dignity and coherence of all religions which are sincerely held by any human being or any community [Engineer, 2012, para. 5]. Sufism bestows peerless service to humanity by patronizing ecumenical tolerance and fractional concordance.

At the end of the novel, there is the very explicit idea that if one comes to embrace a

spiritual kind of love, then dogmatized religions erode. Shafak sees Sufism as the most promising hope for barring the surge of extremism in Islam. Sufism can defuse terrorism by its respect for all religions and its emphasis on universal love. Shafak considers Sufism as the embryonic solution to the extremism that has blundered people's faith and distorted it to the world. The Sufi accepts all religions. If he/she is invited to pray in a church, the Sufi does not hesitate to do so. The Sufi accepts to pray as the Jews do; the Sufi accepts to pray in a Hindu temple. This is due to the fact that Sufism considers the human heart as the place of worshipping, in which God lives. Sufism is the Message of Love, Harmony, and tolerance: “Not Christian or Jew or Muslim, not Hindu, Buddhist, Sufi or zen. Not any religion or cultural system. I am not of the East, nor of the West.... My place is placeless, a trace of the traceless” [Shafak, 2010, p. 183].

Terrorism is an exclusionary demeanor experienced by groups with a unilateral and bigoted thinking that does not take into account the right of people to have different attitudes and ideas. Accordingly, sectarianism fuels terrorism as it gives legitimacy to the incrimination, expulsion, and profanation of others. In her novel, Shafak proposes the need for a universal cohesion, cosmopolitanism, and plurality. According to Shafak, that can be achieved through Sufism, the religion of love that can demolish religious and geographical borders. Shafak proposes an antidote to terrorism by Sufism that is based on a multi-religious, multi-ethnic, and multi-cultural harmony. In *The Forty Rules of Love*, Shafak tries to say that Islam is non-savagery and non-brutality. Some Muslims misunderstand the core of Islam. Islam is mainly based on peace not on suicide bombings, retaliation, or bloodshed. Peace in Islam blossoms from the rejection of ferocity, compulsion, sectarianism, persecution, torment and abuse.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

References

1. Al-Hujwiri, A. (1971), *Kashf Al-Mahjub*. Lahore: Ilmi printing press.
2. Annemarie, S. (1975), *Mystical Dimensions of Islam*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
3. Engineer, A. (2012), "Why I love Sufi Islam", available at <http://www.islamicpluralism.eu/WP/?cat=26> (date of access: June 2, 2017).
4. Ernst, C. (1996), "Preface" In: M. Sells (Ed.) *Early Islamic Mysticism: Sufi, Qur'an, Mi'raj, Poetic and Theological Writings*. New Jersey: Paulist Press.
5. Frembgen, J. (2008), *Journey to God*. USA: Oxford University Press.
6. Halman, T. (1993), *Yunus Emre: Selected Poems Translated by Talat Sait Halman*. Ankara: The Ministry of Culture.
7. Nasr, S. (2007), *The Garden of Truth: The Vision and Promise of Sufism, Islam's Mystical Tradition*. New York: HarperCollins.
8. Schwartz, S. (2008), *The Other Islam: Sufism and the Road to Global Harmony*. New York: Random House.
9. Shafak, E. (2010), *The Forty Rules of Love*. New York: Penguin.
10. Tringham, J. (1998), *The Sufi Orders in Islam*. New York: Oxford University Press.

Dr. Sana' Mahmoud Jarrar, Department of the English Language, Faculty of Educational Sciences and Arts/UNRWA, Amman, Jordan.

УДК 811.221. 32

DOI: 10.18413/2313-8912-2017-3-4-49-52

Mahdieh Boostani

THE MANIFESTATION OF SUFI POETRY IN PERSIAN LITERATURE

Banaras Hindu University, India
Mahdieh_boostani@yahoo.com
Mobile No: 00919725440277

Abstract

The study of the emergence of the Sufi poetry in Persian literature has been of interest to all Persian historians. Sufism is a special School of thought which was formally introduced from the second century AD. The first thing that was important among them was the denial of the world and then, love for God was the ultimate goal of their deeds. Therefore, their teachings are divided into two categories: educational literature and romantic literature. Subsequently, the great heritage left behind which was nourished from this School of thought. Therefore, in this essay, the manifestation of the Sufi poetry in Persian literature will be investigated, without paying attention to the romantic poems written by non-mystical poets who mean human love for mankind, which have been whispered by the mystics in a certain way. Meanwhile, the attempt will be made to mention the masters of Persian Sufi poetry.

Key words: Sufism, Persian Literature, Persian Sufi Poetry, Persian Sufi Poets.

Introduction

The emergence of Sufi poetry in Persian is undoubtedly one of the most important events in the history of this language, unfortunately; no one has addressed it separately; an incident that turned people's language into the deep one. The introduction of the mystical poems to Persian has begun from the beginning of the fifth century; it has inspired a new spirit in the body of Persian poetry, and thanks to that, the domain of meaning in this language has gradually expanded to the extent that the Persian language carries profound mystical and metaphysical meanings thus became a sacred and deep language.

The mystical literature or Sufi literature is part of the literary heritage that the mystic poets have been influenced by Sufism and includes a huge part of the Persian literature. In order to understand this kind of literature, it must inevitably recognize the creators of it, namely, the Sufis and the mystics. So it is better to understand what Sufism is and who is a Sufi?

1. Sufism

The word 'Sufism' is an interpretation of the Arabic expression *Tasawwuf*, which initially has

been found in the nineteenth century, and refers to be a Sufi. *Tasawwuf* or with its general meaning, *Irfan* is as old as Islam itself, and first, has been used in the eighth century (the second century of Islam). It is the spiritual or inner dimension of Islam. So, "as long as there is Islam, there will be Sufism" (Williams, 1994, P.123). The outer or esoteric dimension may be considered a religious world – view. However, both inner and outer aspects of religion are the important aspects of Islam. They can be considered as the two sides of the same coin.

According to Chittick, "The word Sufism refers to a range of theories and practices that have been present in one form or another within the Islamic tradition from its inception" (Chittick, 1995, P. 132). In general, Sufis consider themselves as the individual Muslims, who recognize God's vicinity both in the universe and in the self and called themselves "Ah al – Haqq" the followers of the real (Nicholson, 2002, P. 1). Martin Lings in his book *What Is Sufism* said:

Sufism is nothing other than Islamic mysticism, which means that it is the central and

most powerful current of that tidal wave which constitutes the Revelation of Islam; and it will be clear from what has just been said that to affirm this is in no sense a depreciation, as some appear to think. It is on the contrary an affirmation that Sufism is both authentic and effectual (2005, P.15-6).

2. Persian Sufi Poetry

To find the date of the first mystical poems, we have to obtain the correct definition of mystical poetry. The mystical poem is a poem written in the formulation of the spiritual principles and truth. So the mystical poem is the one written with a mystical intention, not a love poem [man to man] which is interpreted mystically.

Sufism which originates from the inspiration has the same affinity with poetry that comes from the same inspiration, nevertheless, the Sufis, who at first was ascetic, at the beginning of the same period, did not show much interest in poetry. Many believe that the history of this incident is not clear. Some consider Baba Tahir as the first mystical poet; some people say that the beginning of the mystical poetry coincides with the beginning of Sama; another theory that has many supporters considers Sanai as the founder of the mystical poems. It is clear that in this essay, we are referring to the Sufi poems of Persia.

2.1. Baba Tahir

Although the history of the life and death of Baba Tahir is not known, surely he has preceded the others. "The first Sufi who can be identified individually as a poet would have been Baba Tahir, nicknamed 'Uryan ('the Naked')" (De Bruijn, 1997, P.13). Because Ru'ba'i is considered the first genre of poetry which was used used by mystics to express their thoughts and experiences, Baba Tahir as one of the most celebrated Iranian poets of Rubai was the forerunner of this style of mystical poetry. Because the poetry of Baba Tahir is not reliable, he cannot be the originator of the mystical poem. In one of his poems, he appears as a dervish who is searching his mystical ideas:

While I wander through the desert, night and day,

Tears are streaming from my eyes, night and day.

No fever do I feel, nor pain in any place;
I only know that I am crying, night and day.
(De Bruijn, 1997, P.15)

2.2. Abu-Saiid Abul-Khayr:

Abu Sa'id Abu al-Khair is one of the great wise mystics of the fifth century, whose word "Sama" is the companion of his name. Undoubtedly, the Sema ceremony, which was held in the presence of Abu Sa'id Abu al-Khair has no meaning without poetry; the mystical poetry was one of the essential items of the Sufi ceremony. Two arguments are here: First, the ceremony of Sama needed poetry and forced Abu Sa'id to compose a mystical poem. Second, there is a collection of Rubaiat showing that Abu Sa'id is the first mystical poet. But it's easy to reject these two arguments. Although in sema ceremony, mystical poems have been read, these poems may have been written by poets who mean human love, in sema ceremony, mystic had another meaning from the same poem. There is no doubt that Sufism used poetry as a great tool in the sema ceremony to influence the audience's morality; Abu Saiid expressed many teachings by poetry for the mystic audience. However, the point is whether there was at that time a Persian mystical poem which could easily express concepts like Arabic Ghazal.

Secondly, the poems which attribute to Abu Sa'id are not significant. If the assignment of these poems to Abu Sa'id Abu al-Khair was not a problem, we could have cited him as one of the serious options for the creation of mystical poetry. The following poem is an example of his poetry:

I have my eyes filled by the vision of the Beloved.

My eyes rejoice when the Beloved is there.
Between eye and Beloved one cannot distinguish:

He is in the eye, or the eye is nothing else but He.

My body became all tears and my eyes wept.

Loving you, one should live without a body.
No trace remained of me; why is there Love?

Now I became the Beloved entirely, where is the Lover?

When I shall be dead for twenty years or more,

Do you think that my grave holds no love anymore? When you touch the ground and ask: Who lies here? You will hear a voice crying out: How is my Beloved? (De Bruijn, 1997. P.19)

2.3. Sanai:

The first great writer of Ghazal in Sufism is Sanai. He is the first poet who used Ghazal to express mystical thoughts. Sanai's services are enormous in the progress of Sufi poetry. We need to know him as the leading of this kind of poetry. The first person to introduce the interpretation of the true and virtual love into the language of the Persian Sufi love poetry was Sanai. Sanai is one of the earlier Sufi poets. "The whole of Sanai's poetical works amount to more than thirty thousand distiches, of which the most important is the "Hadika," or Garden, a mystical work on the unity of God, self-mortification, and the attainment of the knowledge of spiritual truth" (Field, 1942, P.160).

Sanai's works are of particular importance to historians of poetry and mysticism. Sanai's *Hadiqa* is the beginning of the new style of poetry, and his *qasidas* are also the beginning of another style; his *ghazals* have the unique style in comparison to his previous *ghazals*. A poet can rarely be found like Sanai, who is the beginner of the new style of poetry. With Sanai, the path of the Persian poetry changes, the first time poetry enters the field of mysticism; he is the "founder of mystical poetry."

a. Attar:

After Abu Saeed, the Sanai in the sixth century, by introducing the mystical concepts into the solid structure of *qasida* opened a new window to mystical literature. In addition to his sonnets, full of zeal, Sanai introduced the theme of mysticism in the structure of the *Qasida*, after him, Attar Nishapuri in the form of *Ghazal* and *Masnavi* introduced the great mystical concepts. "Attar, well known as the Persian mystic poet standing between Sanai and Jalal-uddin Rumi" (Arbuthnot, 1887, P. 77).

It is worth mentioning, however, mystical literature is divided into two types of literary

education and romance. Sufi poets generally write secrets and excitement in the form of sonnets, preaching and asceticism in the form of *Masnavi*; accordingly, Sanai and Attar, as well as other mystic poets have both *Ghazal* full of passion and educational *Masnavi* such as Sanai's *Hadiqa* and Attar's *Mantiq al-Tayur*. Attar dedicated much of his literary output "to honoring the Sufis and glorifying their doctrines" (Hodgson, 1974, P. 305).

b. Jalal al-Din Mohammad Rumi:

The great mystic poet is Maulana Jalaluddin Mohammed Rumi, not only in the field of mystical romance but also in the field of mystical teaching. Rumi's *Masnavi* is the most important work which is considered to be the richest heritage of Sufism. "To Jalaluddin Rumi might be applied Dante's phrase regarding Homer: "He flies above other poets like an eagle"" (Field, 1942, P.175).

"He seems to have been influenced by the religious and mystical ideas of al-Ghazali, by the famous Sufi poet Sana'i (d. ca. 525/1131) and by 'Aḡḡar" (Knysh, 2010, P.159). Rumi has underlined the importance of both. "Attar appears to Rumi as the (*asheq*) 'lover'; Sanai as the 'king and superior' (*faeq*), whereas he himself is 'neither this nor that' but has lost himself completely" (Schimmel, 1993, P.36). In general, after Rumi, mystical literature didn't have special flourishing; the works which were later created were based on the imitation of Rumi, Attar, and Sanai. In general, Sufis have had a very important influence on the formation and transformation of Persian literature. They have led the *Qasida* from the flattery to the peak of preaching and research; they have given the *Ghazals* from the erotic love to the spiritual affection; *Masnavi* has been a means of education, mysticism, and morality; *Rubai* has become the expressive form of the transient and temporal suffering; the prose is made in depth and simplicity; they made stories in the form of meanings and judgments.

c. Conclusion

The main reason for the emergence and prevalence of Sufism in Iran is that the Iranians have made the highest progress and reached the highest levels as a result of centuries of living in

the material and spiritual civilization. They were superior in aesthetics to all the Asian nations; they had reached perfection in fine arts, such as painting, poetry, music, and handicrafts, including metalworking, knitting, and other industries. The limitation which followed the Sassanid era in Iran was not compatible with the beauty of Iranian taste that inherited the matter in the centuries from their ancestors; they knew it a precious jewel; they were looking for a way to sweep these conjectures, thus regained their old freedom. Sufism was the best way to reach this freedom of thought; that's why from the beginning, music and dance, which the Iranians were accustomed to them, not only perceived as legitimate but also in some of the branches of Sufism were considered as the form of worship, a means of approaching the source, refining the soul, and purifying the inner being.

One of the earliest means by which Sufis took over the concern of Iranians was by means of poetry, which is the subject of discussion in one of the chapters of the history of the intellectual movements of Iranians. The first person from the Sufi leaders of Persia, who accepted Persian poetry for his education, was Abu Sa'id Abu al-Khair. With the advent of Hakim Sanai Ghaznavi, the path of Persian Poetry changed. He was the first poet to find that there is a close connection between Islamic poetry and mysticism. At the time of Sanai's death, Attar was born and continued his journey. For Sanai and Attar, poetry is a platform for the presentation of ideas that ultimately leads to human salvation. After Attar, Rumi, who had great dedication to Attar and Sanai, continued the way. This dedication is apparent in the *Divan Shams* and the *Masnavi Manavi*.

The special attention that the great Sufis of Persia had in Persian language and were especially obliged to give their teachings in Persian language show what the desire of the great majority of the Iranian people was.

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликтов интересов для декларации.

Information of conflict of interests: authors have no conflicts of interests to declare.

References

1. Arbuthnot, F.F. (1887) *Persian Portraits: A Sketch of Persian History Literature & Politics*. London, Bernard Quaritch.
2. Chittick, William C. (1995) *the Tao of Sufism*. Seoul, Korean Academy of Psychotherapists.
3. De Bruijn, J.T.P. (1997) *Persian Sufi Poetry: An Introduction to the Mystical Use of Classical Poems*. Richmond, Curzon.
4. Field, Claud. (1942) *Persian Literature*. London, Herbert & Daniel.
5. Hodgson, M. G. S. (1974) *the Venture of Islam: Conscience and History in a World Civilization*. Chicago, the University of Chicago Press.
6. Knysh, Alexander. (2010) *Islamic Mysticism: A Short History*. Leiden, Boston: Köln & Brill.
7. Lings, Martin. (2005) *What Is Sufism?* Pakistan, Suhail Academy Lahore.
8. Nicholson, Reynold. A. (2002) *the Mystic of Islam*. Bloomington, World Wisdom.
9. Schimmel, Anemarie. (1993) *the Triumphal Sun: A Study of the Works of Jalaloddin Rumi*. New York, State U of New York.
10. Williams, John Alden. (1994) *the World of Islam*. Austin, U of Texas.

Mahdieh Boostani, PhD Candidate in the English Language and Literature, Banaras Hindu University.